

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Историко-филологический факультет
ПИ им. В. Г. Белинского

Кафедра «Всеобщая история,
историография и археология»

Направление подготовки
Профиль

44.03.01 – Педагогическое образование
История

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:

**Оккупационная политика нацистской Германии на территории СССР в
годы Великой Отечественной войны**

Студент

(подпись, дата)

Баландина
Елена Александровна

Научный руководитель

(подпись, дата)

Комплеев А.В.

Нормоконтролёр

(подпись, дата)

Комплеев А.В.

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от 30.05.2016 № 10)

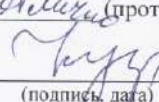
Заведующий кафедрой
(подпись, дата)

Белоусов С.В.

Работа защищена с отметкой отлично (протокол заседания ГЭК от 17/06/2016 № 39)

Секретарь ГЭК

(подпись, дата)

Кузьмина Т.Н.

Пенза, 2016

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Восточная политика в системе взглядов политического и военного руководства Третьего Рейха.....	9
Глава 2. Особенности и практическая реализация оккупационной политики Третьего Рейха в прифронтовой и тыловой зонах.....	17
§ 1. Система административного управления.....	17
§ 2. Организация экономики.....	22
§ 3. Организация культурной и общественной жизни.....	26
§ 4. Система образования и здравоохранения.....	30
§ 5. Система безопасности и правопорядка.....	34
Глава 3. Национальная политика Третьего Рейха на оккупированных территориях.....	38
Глава 4. Реакция советского общества на оккупационный режим. Феномен советского коллаборационизма и его влияние на «Восточную политику» Третьего Рейха.....	48
Глава 5. Технологическая карта урока «Немецкий оккупационный режим на территории СССР в годы Великой Отечественной войны».....	56
Заключение.....	71
Список источников и литературы.....	74

Введение

Изучение истории Второй мировой войны, особенно в тех ее аспектах, которые касаются советско-германского противостояния на Восточном фронте, является одним из самых актуальных направлений для современной отечественной исторической науки. В первую очередь потому, что именно этому периоду всегда придавалось очень большое идеологическое значение, в результате чего объективность вынужденно уступала место догматике. За исключением короткого временного отрезка в 90-х – начале 2000-х годов, когда наконец-то произошел сдвиг с мертвой точки и изучение вопроса перешло, казалось бы, в плоскость свободной научной дискуссии, упомянутый односторонний подход практикуется в течение уже без малого полувека, в конечном счете порождая искаженные представления, а то и вовсе практически полную неосведомленность.

Между тем, как раз непредвзятый, свободный от какой бы то ни было идеологической догмы взгляд на историю Второй мировой войны является неременным условием для полноценного понимания и интерпретации не только собственно событий тех лет, но и практически всей Новейшей истории.

Данная темы была выбрана не только потому, что до сих пор является недостаточно разработанным как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке, но и постольку, поскольку связанные с ним вопросы весьма важны для понимания как специфики войны на Восточном фронте, так и особенностей тоталитарных режимов, существовавших в те годы в Германии и СССР.

Объектом исследования в настоящей работе является политика, проводившаяся Третьим Рейхом на оккупированных советских территориях в 1941-44 гг.

В рамках работы в качестве **предмета исследования** рассматривается идейная основа германской восточной политики и её основной комплекс практических мероприятий в различных сферах, служивший её реализации.

Кроме того, поскольку процесс не являлся односторонним, здесь же изучается и реакция советских граждан, оставшихся на оккупированных территориях, на проводившуюся оккупантами политику.

Конечной **целью исследования** является дать возможно более объективную характеристику рассматриваемого феномена и определить то влияние, которое он оказал на ход войны на Восточном фронте, на основе комплексного анализа проблемы в глубокой исторической ретроспективе.

Задачи данной работы:

- 1) Показать характерные черты оккупационной политики Третьего Рейха на территории СССР в годы войны;
- 2) Рассмотреть конкретную практическую реализацию оккупационной политики;
- 3) Выявить результаты и значение, которые оказала данная политика на ход военных действий;
- 4) Разработать технологическую карту урока по соответствующей теме.

Степень изученности темы. Что же касается исследовательских трудов, то при написании настоящей работы использовались и труды, что выходили в советский период, и уже современные исследования. И хотя понятно, что ни один, даже самый добросовестный ученый не свободен в своих выводах от известного субъективизма, эти работы являют значительную непредвзятость суждений и здоровый научный подход. Среди таковых в первую очередь стоит отметить книги авторства Игоря Ермолова, кандидата исторических наук, уже на протяжении ряда лет занимающегося изучением периода оккупации, демонстрирующего свежий, непредвзятый научный подход, который задействовал в своих изысканиях широчайший спектр архивных документов. Не меньший интерес представляют работы доктора исторических наук Олега Романько, занимающегося той же проблематикой, особенно те из них, что посвящены истории оккупации Крыма и Белоруссии. Также большую ценность имеют исследования историка-любителя Сергея Чуева, юриста и библиографа по образованию,

который весьма обстоятельно и профессионально изучал историю коллаборационистских военных формирований, внося существенный вклад в отечественную историографию этой научной темы. Нельзя не отметить и посвященные вопросам оккупации и коллаборационизма сочинения доктора исторических наук Бориса Ковалева. И хотя этому учёному присуща некоторая тенденциозность в выводах и известный консерватизм в подходах, его работы отличаются высокой степенью детализации и богатством привлекаемого фактического материала. Наконец, из числа зарубежных исследователей невозможно обойти вниманием труды знаменитого германского военного историка, бывшего научного директора военно-исторического исследовательского центра Бундесвера, доктора Йохима Хоффманна, который являлся одним из первопроходцев темы. Его книги, особенно переведенная на русский язык Николаем Цереновым «Немцы и калмыки», представляют здесь несомненную ценность, хотя подход автора к изучаемым проблемам и содержит некоторую долю исторического ревизионизма. Юрий Веремеев в своей книге «Мифы и правда о плане «Барбаросса» на отдельных примерах показывает, что собой представляли боевые подразделения вермахта и Красной Армии в разные периоды войны. Другая работа Ермакова Александра Михайловича «Вермахт против евреев. Война на уничтожение», где автор неопровержимо доказывает, что вооруженные силы Третьего Рейха сознательно и активно участвовали в репрессивной политике нацистов на оккупированных территориях и геноциде «низших рас». В своей книге «Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941 – 1945» Стивен Меррит Майнер, используя недавно открытые архивы советской эпохи, а также английские и американские источники, исследует сложную и глубинную роль религии, особенно русского православия, в политике сталинского правительства во время Второй мировой войны.

Источниковая база. В качестве источников для написания данной работы привлекались в основном документы и материалы, выходявшие в

специальных сборниках как в советский (например, сборник «Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР») так и в постсоветский период, при том применительно к последнему задействованы не только российские, но и белорусские, и украинские издания. Особый интерес тут представляет сборник «Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны», выпущенный в 2009 году, поскольку затрагивает весьма важную и до сих пор слабо разработанную тему, давая возможность ознакомиться с широкой номенклатурой сравнительно недавно появившихся в открытом доступе документов. Вторую группу источников представляют собою опубликованные мемуары людей, переживших оккупацию, а также участников боевых действий во Второй мировой войне, в том числе и тех, кто имел непосредственное отношение к реализации оккупационных мероприятий. Для настоящей работы важными являются воспоминания германского офицера Вильфрида Штрик-Штрикфельдта, изданные в русскоязычном переводе в 1993 году. Ценность их в том, что автор не только продолжительное время работал переводчиком при штабе командующего группы армий «Центр», но и был непосредственным свидетелем становления такой военной коллаборационистской организации, как РОА.

Методологическая основа. В данной работе были использованы такие методы исследования, как анализ, дедуктивный метод, метод классификации и ряд других методов.

Научная новизна. Настоящая работа позволяет, на основе выявленных материалов, по-новому взглянуть на ряд сюжетов, связанных с оккупацией советских территорий, рассмотреть динамику оккупационных процессов и их роль в общей истории Великой Отечественной войны. Через призму ранее неизвестных документов даются целостный анализ и оценка экономико-политических и культурных процессов на советских оккупированных территориях.

Практическая значимость. Материалы и выводы работы могут быть использованы на уроках истории в школах для формирования объективной и научно обоснованной картины оккупации советских территорий нацистской Германией в годы Великой Отечественной войны, а также в критике попыток искажения и фальсификации истории в этот период. Кроме этого, материалы исследования могут быть использованы для разработки и чтения в школах спецкурсов по истории России советского периода.

Апробация. Основные положения работы были представлены в виде доклада на ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Лебедевские чтения». Рукопись доклада была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры Всеобщей истории, историографии и археологии Историко-филологического факультета Пензенского государственного университета (28 апреля 2016 года). Основные положения доклада изложены в сборнике конференции «Лебедевские чтения».

Структура работы. Выпускная квалификационная работа имеет общий объём 78 авторских листов и состоит из Введения, пяти глав, во второй главе из которых существует пять параграфов, Заключение и Списка использованных источников и литературы.

Во Введении дана общая характеристика работы, её актуальность и научно-практическая новизна, сформулированы цели и задачи, методы работы, описан объект и предмет исследования, классифицированы источники, представлена оценка степени научной разработанности темы.

В главе первой «Восточная политика в системе взглядов политического и военного руководства Третьего Рейха» говорится о системе взглядов и установок, которой руководствовались лидеры национал-социалистической Германии по отношению к СССР и населявшим его народам. Во второй главе «Особенности и практическая реализация оккупационной политики Третьего Рейха в прифронтовой и тыловой зонах» представлены по параграфам основные аспекты практической реализации оккупационной политики и дана их характеристика. В третьей главе «Национальная политика Третьего Рейха

на оккупированных территориях» доказывається утверждение, что национальная политика германских властей на оккупированных территориях чаще всего выстраивалась крайне недальновидно и непродуманно, без учета реального положения вещей, и притом сильно зависела от созданных идеологией стереотипов и даже от субъективных предпочтений лидеров Рейха. Четвёртая глава «Реакция советского общества на оккупационный режим. Феномен советского коллаборационизма и его влияние на «Восточную политику» Третьего Рейха» затрагивает такое явление, как военный и гражданский коллаборационизм, так как применительно к любой войне и любому захвату некоей территории силами иностранной державы, сотрудничество местного населения с оккупантами неизбежно имеет место, поскольку является необходимым условием выживания этого самого населения. Пятая глава «Технологическая карта урока «Немецкий оккупационный режим на территории СССР в годы Великой Отечественной войны» является главой-уроком, разработанным по теме данной работы, чтобы обеспечить её практическую реализацию.

В Заключение подведены итоги работы, обобщены и суммированы выводы и результаты проведенного анализа. Первоначальные стратегические цели нацистской Германии относительно СССР либо не оправдались, либо оказались глубоко ошибочными.

Глава 1. Восточная политика в системе взглядов политического и военного руководства Третьего Рейха

Говоря о системе взглядов и установок, которой руководствовались лидеры национал-социалистической Германии по отношению к СССР и населявшим его народам, следует иметь в виду, что до 1940 года «восточный вопрос» никем глубоко не прорабатывался. Очевидный антагонизм между двумя странами и то, что их военные силы уже пробовали друг друга на прочность на полях сражений в Испании, означал скорое военное столкновение между Советами и Рейхом. В самых общих чертах будущая восточная политика была предопределена Адольфом Гитлером еще в 20-е годы в период написания книги «Моя борьба». На ее страницах, в главе XIV, автор говорит буквально следующее: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства...

Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства...

Наша задача, наша миссия должна заключаться прежде всего в том, чтобы убедить наш народ: наши цели состоят не в повторении какого-нибудь эффектного похода Александра, а в том, чтобы открыть себе возможности прилежного труда на новых землях, которые завоюет нам немецкий меч.»¹

Таким образом, восточные территории, занимаемые СССР (во всяком случае, европейская его часть) мыслились как то самое «жизненное пространство», захват и колонизация которого является одной из важнейших задач, положительное решение каковых надолго обеспечит силу германского государства. Речь при этом шла отнюдь не только о приобретении некоей ресурсной базы, но и о вопросе предотвращения потенциальной внешней угрозы: «Национал-социалистическое движение во что бы то ни стало обязано устранить существующую диспропорцию между количеством нашего народонаселения и объемом наших территорий, имея при этом в виду территорию не только как непосредственно продовольственную базу, но и как фактор защиты границ. Только тогда устраним мы безысходность нашего нынешнего положения и займем то место, на которое мы вправе рассчитывать в силу той роли, какую играли в истории.»²

То есть даже если бы Гитлер мог предвидеть грядущую научно-техническую революцию и связанную с ней революцию в сельском хозяйстве и промышленном производстве, по сути снимающие вопрос о непереносимости «расширения жизненного пространства», в его понимании такая восточная политика все равно оставалась бы актуальной в силу стремления к защите европейского мира и Германии как его мыслимого

¹ Hitler A. Mein Kampf. Eine kritische Edition / Hrsg. von C. Hartmann, T. Vordermayer, O. Plöckinger, R. Töppel. – München – Berlin: Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte, 2016. Band II. S. 1657, 1659.

² Hitler A. Mein Kampf. Eine kritische Edition / Hrsg. von C. Hartmann, T. Vordermayer, O. Plöckinger, R. Töppel. – München – Berlin: Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte, 2016. Band II. S. 1639.

центра от угрозы с востока, причем вовсе не иллюзорной. В сумме же решение должно было сводиться к двум основным пунктам:

1. Нейтрализация СССР (либо возникающих после его краха государств) как реальной военной и политической силы.

2. Германская колонизация захваченных военным путем восточных территорий.

В более конкретизированном виде восточный вопрос начал прорабатываться только во второй половине 1940 года, причем вовсе не потому, что для его успешного разрешения возникли все необходимые предпосылки, а скорее вынужденно. Даже несмотря на то, что в ходе весенне-летней кампании вооруженные силы Рейха выбили инициативу из рук противника и поставили под большой вопрос успех британской стратегии экономического удушения Германии, было ясно, что длительное противостояние с одним только Британским содружеством, даже без учета помощи тому со стороны США, является крайне проблематичным, если вообще возможным. Нападение же на Советский Союз казалось логичным шагом, и хотя ставило Рейх перед необходимостью вести борьбу на два фронта, давало при этом возможность сохранить инициативу и получить в случае успеха достаточную материальную базу для продолжительного ведения войны. Таким образом, в сложившейся ситуации и в условиях жесткого цейтнота на первое место для германских лидеров выходило решение военных и экономических вопросов, в то время как выстраивание и конкретизация оккупационной политики имели не столь важное значение и считались актуальными лишь в том смысле, в каком это способствовало выполнению основной задачи. Альфред Розенберг, 20 апреля 1941 года назначенный Гитлером на должность «непосредственного уполномоченного для централизованного решения вопросов восточноевропейского пространства», в своей речи от 20 июня 1941 года указывал совершенно определенно: «Итак, перед нами стоят две гигантские задачи:

1. Обеспечить продовольственное снабжение и военное хозяйство Германии, это великая задача рейхсмаршала, и

2. Навсегда освободить Германию от политического давления с востока. Это политическая цель борьбы.»³

Основные моменты, касавшиеся экономических мероприятий на оккупированных восточных территориях, были изложены в утвержденном 29 апреля 1941 года плане «Ольденбург», реализацией которого занимался соответствующий штаб, руководимый Германом Герингом. Суть сводилась к тому, чтобы акцент ставился в первую очередь на обеспечении Рейха продовольствием и нефтью за счет оккупированных областей, а также на поддержании и даже развитии транспортной сети в этих областях. Прочим сферам уделялось значительно меньше внимания, а в поясняющей директиве рейхсмаршала (т.н. «директива об экономическом ограблении намеченной к оккупации территории СССР») под пятым параграфом сказано буквально следующее: «При таких больших размерах подлежащей использованию территории, неуверенности в имеющихся возможностях и при отсутствии данных о состоянии экономики в подлежащих оккупации областях невозможно уже сейчас дать точные директивы по всем отдельным вопросам. Как поступать в каждом отдельном случае, покажет дальнейшее развитие событий и в особенности ход военных операций.»⁴

По окончательной организации предполагавшихся к оккупации территорий и тому, что касалось их дальнейшего будущего, конкретики было еще меньше, и более того, у лидеров Рейха не имелось даже единой точки зрения на эту проблему. Так, в «Инструкции об особых областях к директиве №21» от 13 марта 1941 года, подписанной Вильгельмом Кейтелем, говорится, в частности, следующее: «Занимаемая в ходе военных действий русская территория должна быть, как только позволит обстановка, разделена,

³Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941 – 1944). – М.: Экономика, 1985. С. 62.

⁴Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941 – 1944). – М.: Экономика, 1985. С. 39.

согласно специальным указаниям, на отдельные государства с самостоятельными правительствами.»⁵ В упоминавшейся уже речи Альфреда Розенберга от 20 июня 1941 года проводится примерно та же мысль: «Задачи нашей политики, как мне кажется, должны поэтому идти в том направлении, чтобы подхватить в умной и целеустремленной форме стремление к свободе всех этих народов и придать им определенные государственные формы, то есть органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы, освободив тем самым Германскую империю на будущие века от восточной угрозы. Четыре больших блока должны будут оградить нас и одновременно продвинуть далеко на восток сущность Европы:

1. Великая Финляндия.
2. Прибалтика.
3. Украина.
4. Кавказ.»⁶

Однако идея создания на оккупированных территориях нескольких национальных государственных образований (пусть даже марионеточных), следующих в русле германской политики, была лишь одной из множества. И среди сотрудников созданного 17 июля 1941 года под руководством Розенберга Имперского министерства оккупированных восточных территорий имелись те, кто придерживался как более радикальных, так и более мягких вариантов. Об этом говорят, в частности, мемуары переводчика при штабе фельдмаршала Федора фон Бока, гауптмана Вильфрида Штрикфелдта. Например, повествуя о состоявшейся в конце лета 1941 года своей встрече с двумя высокопоставленными чиновниками Министерства оккупированных восточных территорий, Штрик-Штрикфелдт передает содержание беседы с их стороны в таких словах: «Колонизация? – Да! Но

⁵Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941 – 1944). – М.: Экономика, 1985. С. 20.

⁶Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941 – 1944). – М.: Экономика, 1985. С. 41-42.

взгляды еще сильно расходятся, насколько широко следует ее осуществлять. Колхозы? – Сперва следует сохранить коллективное землепользование: во время войны нельзя решаться на эксперимент с возвратом к частному хозяйствованию, иначе было бы поставлено на карту снабжение армии и немецкого народа. Кроме того, нужно же ведь выгадать землю и для немецких крестьянских дворов на Востоке. А впрочем, между министерствами (а в особенности между СС и Розенбергом) еще много расхождений во мнениях. Приведенные объяснения не могут быть, поэтому, обязательными и предназначены лишь для личной информации фельдмаршала. Политические цели не до конца разработаны. Они будут еще обсуждаться с фюрером.»⁷

Что же касается позиции, которую занимало Главное управление имперской безопасности, то она нашла свое выражение в так называемом «Генеральном плане «Ост» – программе, документы по которой сохранились далеко не в полном объеме, но которую в первую очередь любят вспоминать политически ангажированные историки и публицисты просоветского толка. План этот представлял, наверное, наиболее радикальный вариант осуществления восточной политики и предусматривал максимально возможную колонизацию оккупированных территорий, сопровождающуюся масштабным переселением коренных жителей на восток, а конкретно в Сибирь. Однако же данная программа по ряду позиций являлась заведомо невыполнимой (даже с учетом того, что рассчитывалась на временной период примерно в 25 - 30 лет), практическая реализация ее могла быть начата не раньше момента окончания войны, да и в каком-либо окончательном виде «Генеральный план «Ост» так никогда и не появился. Стало быть, говорить о нём, как о единственном руководящем документе, просто нельзя. Как справедливо заметил автор аналитической статьи «Генеральный план «Ост» в вопросах и ответах» Игорь Петров, «ГПО на самом деле не продвинулся

⁷Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. – М.: Посев, 1993. С. 7.

далее проектной стадии, чему в немалой степени поспособствовал ход военных действий – с 1943 г. план стал быстро терять релевантность. Разумеется, ГПО не был подписан ни Гитлером, ни кем-либо еще, так как являлся планом послевоенного заселения оккупированных регионов... Тем не менее, было бы ошибочно выводить из этого незаинтересованность Гитлера и руководства Рейха в ГПО.»⁸

Еще одной стороной, проявлявшей заинтересованность в вопросе и имевшей по нему собственную, отличную от прочих точку зрения, был министр пропаганды Йозеф Геббельс. По свидетельству Вильфрида Штрик-Штрикфельдта, именно к Геббельсу пыталось адресоваться осенью 1941 года командование группы армий «Центр» с тем, чтобы с его помощью попытаться скорректировать осуществляемую на восточных территориях политику: «Фельдмаршал фон Бок, его начальник штаба Грайфенберг, а также Треско и Герсдорф намеревались поговорить с Геббельсом со всей откровенностью. Говорили, что именно Геббельс интересуется восточно-политической проблематикой и не скрывает своего отрицательного отношения к установкам Розенберга. Представитель министерства пропаганды намекал, что Геббельс составил меморандум, набросав в нем широко составленную программу для «новой России» с целью привлечь народы России к политике Новой Европы под лозунгом «Свобода и равноправие.»⁹ По всей видимости, это в достаточной степени соответствовало истине, поскольку, во-первых, министр пропаганды Рейха по ходу всей войны неоднократно критически отзывался о том, как осуществляется оккупационная политика на Востоке, а во-вторых, некоторые указания на позицию Геббельса содержатся в его дневнике. В мемуарах военного переводчика Елены Ржевской приводится следующая цитата из этого дневника, датированная 15 июня 1941 года: «В России не будет восстановлен царизм, но в противовес большевизму будет осуществлен

⁸ Петров И.В. Генеральный план «Ост» в вопросах и ответах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://actualhistory.ru/genplan_ost_faq

⁹ Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. – М.: Посев, 1993. С. 20-35.

настоящий социализм. Каждому старому нацисту доставит глубокое удовлетворение, что мы это увидим. Сотрудничество с Россией являлось, собственно говоря, грязным пятном на нашей чести. Теперь мы уничтожим также то, против чего сражались всю жизнь. Я высказываю это фюреру, и он со мной полностью соглашается.»¹⁰ Тем не менее, именно Гитлер, по словам Штрик-Штрикфельдта, резко ограничил вмешательство своего министра пропаганды в восточные дела, не оставив тому, по сути, возможностей реально воздействовать на ситуацию. Скорее всего, настоящей причиной являлась обычная для Третьего Рейха борьба между разными ведомствами за сферы влияния и компетенции.

Таким образом, возможно сделать вывод, что к моменту начала военной кампании против СССР у руководства Третьего Рейха не было какой-либо четкой глубоко проработанной программы осуществления восточной политики, особенно касательно долгосрочной перспективы. Имелись лишь общие теоретические идеи и представления, которые и задавали ее направление. Краткосрочное же планирование целиком определялось требованиями текущего момента, поэтому многие практические мероприятия в итоге не укладывались в рамки единой концепции и порой носили характер импровизации.

¹⁰ Ржевская Е.М. Берлин, май 1945. – М.: Московский рабочий, 1986. С. 59.

Глава 2. Особенности и практическая реализация оккупационной политики Третьего Рейха в прифронтовой и тыловой зонах

§ 1. Система административного управления

В апреле 1941 года руководство Рейха уже определилось с тем, как должна выглядеть система управления на оккупированных восточных землях, и в дальнейшем по ходу войны применялась именно эта схема, хотя в некоторых случаях имели место и отклонения от нее. Вся занятая территория делилась на две зоны, одна из которых, примыкавшая к районам боевых действий, управлялась военной администрацией, а другая, являвшая собою уже глубокий тыл – гражданской администрацией. И поскольку, несмотря на большие военные успехи, германская армия не смогла достичь решающей победы и ее продвижение вглубь советской территории оказалось не столь значительным, как предполагалось, основная часть захваченных земель находилась все-таки под управлением военных властей.

В соответствии с «Особыми указаниями по обеспечению, часть «С» от 3 апреля 1941 года области, отошедшие к ведению военной администрации, подразделялись на три района:

- Район боевых действий глубиной 20 – 50 километров от линии фронта, где власть осуществлялась командирами германских корпусов и дивизий.
- Тыловой армейский район, в котором от каждой из армий назначался особый комендант с подчиненными ему силами охраны.
- Тыловой район групп армий, возглавлявшийся, как правило, командиром одного из корпусов.¹¹

Проведение в жизнь мер оккупационного режима на этих территориях обеспечивалось сетью военных комендатур разного уровня, от местного до областного. При этом следует учитывать, что в первом районе в большинстве

¹¹ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941-1944). – М.: Воениздат, 1974. С. 158-200.

случаев гражданского населения почти не оставалось, поскольку (если только фронт не двигался слишком быстро) военные из чисто практических соображений старались временно выселять его в ближний тыл. А так как обеспечение этих перемещенных лиц в основном шло по остаточному принципу, им приходилось уповать главным образом на добрую волю и распорядительность военного коменданта, в сфере ответственности которого они оказались.

Что же касается зоны, находившейся в подчинении гражданской администрации, то структура ее управления определялась приказом Адольфа Гитлера от 17 июля 1941 года «О гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях». В этом документе, в частности, указывалось следующее:

«&4. Рейхсминистром по делам оккупированных восточных областей назначается рейхслайтер Альфред Розенберг. Его резиденция находится в Берлине.

&5. Подчиненные рейхсминистру по делам оккупированных восточных областей вновь оккупированные области подразделяются на рейхскомиссариаты; они в свою очередь подразделяются на генеральные округа, и эти последние – на районы. Несколько районов могут быть объединены в главные округа. Более подробно эти положения определяет министр по делам оккупированных восточных областей.

&6. Во главе каждого рейхскомиссариата стоит рейхскомиссар, во главе каждого генерального округа – генеральный комиссар, и во главе каждого района – районный комиссар. В случае образования главного округа во главе его стоит главный комиссар. Рейхскомиссары и генеральные комиссары назначаются мной, руководители главных отделов учреждений, подчиненных рейхскомиссарам, а также главные комиссары и районные комиссары – рейхсминистром по делам оккупированных восточных областей.

&7. Рейхскомиссары подчиняются рейхсминистру по делам оккупированных восточных областей и получают указания исключительно от него, если в действие не вступает &3.

&8. К обязанности рейхсминистра по делам оккупированных восточных областей относится определение прав для территорий подчиненных ему вновь оккупированных восточных областей. Он может передать полномочия по определению прав рейхскомиссарам.

&9. Рейхскомиссарам подчиняется вся администрация на их территории в вопросах гражданского порядка. Обеспечение нормального функционирования предприятий, транспорта и почты вменяется в обязанность ответственным за это высшим имперским властям в соответствии с указаниями начальника штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил на протяжении всего времени, пока проводятся военные операции. На время после окончания военных операций предусмотрены другие регулирующие органы.»¹²

В соответствии с первоначальным планом, согласованным на совещании высшего военно-политического руководства Рейха 20 июня 1941 года, на захваченных советских территориях предполагалось создать четыре рейхскомиссариата: «Московия» (центральные области России), «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия), «Украина» (Украина и Крым), «Кавказ» (Северный Кавказ, Закавказье, Калмыкия). На случай достижения более значительных военных успехов и отпадения от СССР республик Средней Азии, предусматривалось также создание пятого рейхскомиссариата – «Туркестан».¹³ Однако в связи с неудачным для Германии развитием кампании в реальности было создано лишь два рейхскомиссариата: «Остланд» и «Украина», притом самые восточные области собственно Украины и Белоруссии так и не попали в сферу ответственности гражданской

¹²Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941 – 1944). – М.: Экономика, 1985. С. 51 – 52.

¹³Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941 – 1945. – М.: Вече, 2008. С. 24.

администрации, поскольку на протяжении всего периода оккупации располагались в тыловых зонах групп армий, и соответственно, относились к ведению военных.

С самого начала оккупации германская администрация проводила также ряд мероприятий, направленных на создание базы для дальнейшей работы гражданских структур власти. Производилось административно-территориальное деление взятых под контроль территорий и назначение на ответственные посты работников органов самоуправления, причем в общих чертах система была близка к той, что существовала при Советах, разве что местные гражданские власти курировались немецкими комендантами. Функционирование органов самоуправления обеспечивало прежде всего работу хозяйственных отраслей и поддержание порядка, притом кадры подбирались из числа советских же граждан. Запланированное изначально привлечение для данной цели людей из числа сочувствующих Германии представителей русской антибольшевистской эмиграции было практически сразу отвергнуто как в силу того, что не знавшие реалий жизни в СССР эмигранты рисковали оказаться недостаточно компетентными, так и потому, что советская пропаганда постоянно озвучивала мысль о желании немцев вернуть власть в России «помещикам и капиталистам».¹⁴ Совершенно логично, ставка на сотрудничество с местным, в той или иной степени антисоветски настроенным населением лишало такое утверждение твердой почвы, ну а для эмигрантов нашлись занятия в пропагандистских службах.

Следует отметить, что в советской историографии постоянно продвигалось утверждение, что в органах самоуправления, созданных на оккупированных территориях, работали почти исключительно «предатели, уголовники, выходцы из бывших эксплуататорских классов».¹⁵ Причем нередко подобная точка зрения продолжает озвучиваться и по сей день.

¹⁴ Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941 – 1944. М.: АСТ, 2004. С. 54-67.

¹⁵ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941-1944). [Электронный ресурс] – М.: Воениздат, 1974. Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/muller_n/index.html

Между тем, недавние статистические изыскания, проведенные на основе архивных материалов такими исследователями, как, например, Игорь Ермолов, показывают, что это не соответствует действительности. Напротив, в административной сфере часто задействовались бывшие советские работники, даже партийные, а также представители интеллигенции, и именно в силу их компетентности в оккупированных областях было налажено как относительно стабильное функционирование хозяйства, так и обеспечение быта населения. Что же касается моральной стороны вопроса, то ее нельзя рассматривать односторонне и лишь в контексте советских государственных интересов, поскольку речь идет еще, что ничуть не менее важно, и о жизни огромного числа людей, оказавшихся под оккупацией. А сохранить и поддерживать эту жизнь вне какого-либо сотрудничества с оккупантами было попросту невозможно.

Кроме того, на оккупированных территориях существовало несколько автономных образований, являвших собою на общем фоне яркие исключения. Например, в тыловых зонах германских 16-й и 18-й армий (дислоцировавшихся в Новгородской и Ленинградской областях) имелась исторически сложившаяся область компактного проживания старообрядцев, которые оказались вполне лояльны к немцам, а взамен получили настолько широкую автономию, что оккупационная администрация вообще не вмешивалась в деятельность местных органов самоуправления.¹⁶ Точно так же в полосе группы армий «А» на южном участке Восточного фронта на протяжении более чем полугода существовал казачий автономный район. Однако самым интересным образованием такого рода стал Локотский автономный округ (т.н. «Локотская республика») в тыловом секторе группы армий «Центр». Именно здесь оккупанты предоставили русскому населению самые широкие права, так что ЛАО приобрел ряд признаков, присущих полноценному государственному образованию, включая собственную,

¹⁶ Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941 – 1944. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 219 – 220.

независимую от германской стороны администрацию, судебную систему, экономику, вооруженные силы (РОНА) и т.д. Такое положение дел сложилось в округе главным образом потому, что во-первых, большинство его населения не питало симпатий к советской власти; во-вторых, по этой территории проходили важные коммуникационные линии германских войск, отвлекать на защиту которых собственные значительные силы прикрытия для немцев было все же нежелательно; и наконец, с экономической точки зрения район представлял невысокую ценность для оккупантов.¹⁷ Возможно, именно этот пример следует рассматривать как наиболее близкий прообраз марионеточных государственных образований, которые могли бы быть созданы на оккупированных территориях (если бы такое решение все же было принято) в случае успеха Восточной кампании.

§ 2. Организация экономики

Что касается организации экономической системы на захваченных землях, то как уже отмечалось, германская сторона в первую очередь интересовалась вывозом ценного сырья (особенно нефтепродуктов) и сельскохозяйственной продукции с целью их дальнейшего использования на территории Рейха. Кроме того, с учетом слабости советской транспортной сети, планировалось некоторое развитие таковой (главным образом это касалось железных дорог). Прочие же объекты промышленности занимали немцев в значительно меньшей степени, и этим подходом как раз и объясняется то, что происходило в экономической жизни в период оккупации. Следует также принимать во внимание, что во время отступлений советская сторона при любой возможности целенаправленно уничтожала на оставляемой противнику территории не только все промышленные предприятия, оборудование и объекты транспорта, которые

¹⁷ Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления. 1941 – 1943. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. С. 37 – 38.

не представлялось возможным эвакуировать и которые могли бы в дальнейшем использовать оккупанты, но и любые вообще запасы, в том числе и те, что имели первостепенное значение для обеспечения жизни оставшегося гражданского населения.¹⁸ И разумеется, там, где применялась подобная тактика «выжженной земли», немцы в дальнейшем имели не так уж много возможностей для восстановления экономического потенциала территории хотя бы на 2/3 от довоенного уровня.

Вероятно, наибольшую для себя выгоду оккупанты могли бы извлечь из сельского хозяйства захваченных областей, потому что к началу 40-х годов, несмотря на индустриализацию, СССР все еще оставался преимущественно аграрной страной, порядка 70% населения которой проживало в сельской местности. И вне зависимости от того, насколько сильно тот или иной район пострадал в свое время от коллективизации и «борьбы с кулачеством», основная масса крестьянства негативно относилась к колхозной системе и лояльность ее к советской власти была отнюдь не прочной.¹⁹ На данном основании можно сделать резонное предположение, что в случае удовлетворительного с точки зрения сельского населения решения земельного вопроса, германский оккупационный режим смог бы не только получить существенную поддержку с этой стороны, но и вполне зримые выгоды, выраженные в повышении продуктивности аграрного сектора. Однако поскольку никаких реформ по ходу войны немцы проводить не предполагали, колхозная система была ими сохранена практически в неизменном виде, а крестьянские хозяйства обложены денежным либо натуральным налогом (хотя первый очень скоро перестал практиковаться ввиду элементарного отсутствия денежной массы на селе, и отсюда очень низкой платежеспособности). И только в начале 1942 года оккупационные власти, ввиду явно затянувшейся войны, стали задумываться об изменении

¹⁸Хоффманн Й. Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, документы. – М.: АСТ: Астрель, 2006. С. 140 – 143.

¹⁹Армстронг Д. Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941 – 1944. – М.: Центрполиграф, 2007. С. 60 – 61.

аграрной политики, следствием чего стало распоряжение Альфреда Розенберга от 16 февраля под наименованием «Новый порядок землепользования». Этот документ предусматривал постепенный переход от коллективной к частной системе землепользования, однако установленные им меры носили половинчатый характер, внедрялись медленно и в итоге не повлияли решающим образом ни на увеличение продуктивности сельского хозяйства, ни на привлечение на сторону новых властей симпатий крестьянства.²⁰ Так или иначе, за весь период оккупации немцы смогли получить для своих нужд объем сельхозпродукции на общую сумму свыше 4 миллиардов рейхсмарок, при этом в среднем активно задействовалось порядка 60% посевных площадей от довоенного уровня, а поголовье скота удалось сохранить лишь в пределах 30 – 50% (в зависимости от района) от прежнего.²¹

Что же касается городов, то несмотря на резкое падение уровня производства и отсутствие реальных предпосылок для его восстановления в силу уже упомянутых выше причин, занятость городского населения на захваченных территориях продолжала оставаться достаточно высокой, и резкого роста безработицы не произошло. Причиной тому стало быстрое развитие разрешенного и даже поощряемого оккупационными властями мелкого частного предпринимательства. Оно позволило в значительной степени переориентировать трудоспособных, но лишившихся работы людей на новые виды деятельности, поддерживать оборот товаров и услуг, но при этом не смогло предотвратить неизбежные в военное время дефицит, расцвет «черного рынка» и рост потребительских цен. Определенную материальную выгоду имели тут и германские власти, поскольку частные предприниматели платили налоговые отчисления, а те из них, кто работал в сфере мелкого кустарного производства, обслуживали еще и военных, выполняя в основном

²⁰ Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941 – 1944. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 170 – 171.

²¹ Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941 – 1944. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 174 – 176.

ремонт обмундирования и различного хозяйственного инвентаря.²² Если же речь шла о крупных предприятиях и ключевых объектах коммунальной сферы, то оккупанты по возможности старались приводить их в рабочее состояние, укомплектовывать кадрами и использовать в своих интересах. Особенно это касалось ремонтных мастерских, производства стройматериалов, машиностроительных заводов и т.п., которые выполняли военные заказы.²³

Еще одной характерной чертой оккупационного режима стала практиковавшаяся с начала 1942 года добровольная либо принудительная отправка гражданских лиц на территорию Рейха в качестве рабочей силы. Для германской экономики в этом была необходимость, первопричина которой объясняется, в частности, в распоряжении начальника военного управления хозяйственного штаба «Ост» от 26 января 1942 года «Об использовании в хозяйстве Германии рабочей силы из оккупированных восточных областей»:

«...Задачей хозяйственной администрации и аппарата по использованию рабочей силы на Востоке является заполнение в ближайшие месяцы брешы в хозяйстве, возникшей в связи с уходом в армию всех лиц младших призывных возрастов, посредством широкой вербовки русской рабочей силы. Это является решающим для войны и поэтому должно быть выполнено. Если число добровольцев не оправдает ожиданий, то согласно приказу при вербовке следует применять самые строгие меры, используя все имеющиеся средства.»²⁴

Всего же за период оккупации на работы в Германию было отправлено около 5 миллионов человек. Кроме того, значительное количество гражданских лиц периодически привлекалось к принудительным работам на

²² Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М.: Молодая гвардия, 2011. С. 278 – 280.

²³ Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М.: Молодая гвардия, 2011. С. 253 – 254.

²⁴ Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941 – 1944). – М.: Экономика, 1985. С. 180.

территории собственно оккупированных областей (например, по обслуживанию дорожной сети, строительным работам и т.д.).

§ 3. Организация культурной и общественной жизни

Говоря о культурной и общественной жизни на оккупированных территориях, следует иметь в виду ряд важных, порой разнонаправленных моментов, обусловивших ее течение. Во-первых, среди оставшихся в захваченных областях граждан оказалось не так уж и много общественных деятелей и работников культуры, поскольку таковые являлись довольно значимыми и потому по возможности подлежали эвакуации. Во-вторых, германские оккупационные власти, с одной стороны заинтересованные в постановке этих сфер на службу своей идеологии, с другой стороны в силу понятных причин вовсе не желали чрезмерной активизации общественной жизни, и как следствие, подходили к вопросу очень избирательно. Наконец, серьезным препятствием являлось решение германского политического руководства о вывозе на территорию Рейха ряда культурных и научных ценностей, принятое еще в августе 1941 года, к широкой практической реализации которого приступили весной следующего года. Так, в соответствующем распоряжении рейхскомиссаров Остланда и Украины от 7 апреля было указано следующее:

«I. Учет и единообразную обработку данных о культурных ценностях, исследовательских материалах и научных материалах из библиотек, архивов, научно-исследовательских институтов, музеев и так далее, найденных в общественных, церковных или частных помещениях, я поручил оперативному штабу рейхсляйтера Розенберга по оккупированным областям... Все инстанции моего ведомства прошу широко поддерживать уполномоченных оперативного штаба при проведении ими всех мероприятий и предоставить им все необходимые сведения, в частности о том, в какой степени учтены предметы на территории оккупированных областей и

увезены ли они с места их нахождения и где они находятся в данное время. Направленная на сохранение предметов культуры деятельность допускается только в том случае, если она проводится совместно с оперативным штабом рейхсляйтера Розенберга. Оперативный штаб должен постоянно информироваться о характере и объеме собранных сведений, намеченных работ и мероприятий.»²⁵

Таким образом, на захваченных территориях огромный массив культурных ценностей, причем наиболее значимых, был утрачен, поскольку они были вывезены либо Советами в ходе эвакуации, либо позже германской стороной в ходе указанных выше мероприятий, либо пострадали или были уничтожены вследствие боевых действий. И тем не менее, часть сохранившейся музейной и библиотечной системы продолжала работу, главным образом усилиями оставшегося под оккупацией персонала либо активистов из числа интеллигенции. При этом использовалась сохранившаяся часть фондов, из которых предварительно изымались и затем уничтожались материалы, носившие прокоммунистическую идеологическую окраску.²⁶

Что же касается работы культурно-развлекательных учреждений, таких, как театры, клубы и кино, а также выпуска периодических изданий, то в ряде населенных пунктов на оккупированных территориях такого рода деятельность возобновилась и даже велась весьма активно, хотя и имела вполне конкретную идейную тональность. Так, репертуар театральных трупп включал в себя либо произведения классической русской драматургии, либо новые постановки, содержащие критику советского строя. В периодической же печати антибольшевистская пропаганда присутствовала в еще большем объеме и по сути доминировала.²⁷

²⁵ Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941 – 1944). – М.: Экономика, 1985. С. 264.

²⁶ Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941 – 1944. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 291 – 295.

²⁷ Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941 – 1944. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 297.

Единственной же сферой, которой оккупанты оказали действительно серьезную поддержку, стала религиозная. Причем с учетом того, что высшее руководство Рейха в массе своей относилось к церкви и религии вообще скептически, а то и прямо негативно, инициатива здесь исходила по большей части от представителей германской военной администрации. Несомненно, в стимулировании этой стороны жизни общества имелся резон, поскольку, во-первых, при советской власти она всячески подавлялась, а религиозные организации к началу 40-х годов были по существу разгромлены. Во-вторых, такая поддержка имела мощный пропагандистский эффект, особенно если подавалась как «возрождение духовной жизни». Наконец, несмотря на все усилия большевиков, значительная часть советских граждан еще сохраняла приверженность религии (пусть и не демонстрируя это открыто), в том числе даже среди представителей молодого поколения. Так что проведение грамотной политики в этой сфере сулило немцам в перспективе значительные симпатии и лояльность со стороны верующей части населения. Опасения же были связаны прежде всего с тем, что возникновение мощных централизованных и упорядоченных религиозных структур (например, единой Русской православной церкви) может поспособствовать сплочению вокруг них широких масс и развитию среди них нежелательных для оккупантов идей национального возрождения. Так, в оперативном приказе начальника полиции безопасности и СД Райнхарда Гейдриха от 16 августа 1941 года «О решении церковного вопроса на оккупированной территории Советского Союза» говорится, помимо прочего, следующее:

«2. Содействие православной церкви также не является желательным. Там, где население оккупированных территорий Советского Союза выразит желание в отправлении религиозного культа и где имеется не опирающийся на поддержку оккупационных органов власти священник, может быть допущено возобновление церковной деятельности. Ни в коем случае с немецкой стороны нельзя, однако, в демонстративной форме содействовать церковной жизни, организовывать богослужение или проводить массовое

крещение. Речь не идет о восстановлении ранней патриархальной русской церкви. Прежде всего следует обратить внимание на то, чтобы зарождающиеся ортодоксальные церковные круги ни в коем случае не получили некоего возвышающего их над другими союзами организационного единства. Потому желателен раскол на отдельные церковные православные группы. Также не следует принимать мер и против распространения сектантства в советском русском пространстве...

3. В отношении евангелических церквей балтийских государств действовать таким же образом. И здесь тоже разрешить религиозную церковную деятельность только в той мере, в какой она действительно необходима населению. На этой территории также желательна раздробленность на возможно большее количество групп.

4. О возврате церковным организациям экспроприированных Советами в пользу государства зданий церквей и церковного имущества, все равно, какого рода, пока не может быть и речи. Этот вопрос должен быть решен в дальнейшем. Церкви могут быть предоставлены для проведения богослужений.»²⁸

Тем не менее, несмотря на все подобные предписания, германские оккупационные власти, и прежде всего военные (среди представителей которых было множество верующих людей), активно содействовали подъему религиозной жизни. Они организовывали, хотя обычно за счет местного населения, ремонт культовых сооружений, при отсутствии таковых передавали для ведения богослужений бывшие общественные помещения, занимались подбором священнослужителей и т.д.²⁹ Результат не заставил себя долго ждать. По наблюдениям Вильфрида Штрик-Штрикфельдта, «Посещение населением церквей было интенсивным. Многие приносили или приводили крестить детей. Повсеместно не хватало священников, так как

²⁸ Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Сборник документов. – М.: Издательство Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2009. С. 525 – 526.

²⁹ Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941 – 1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 262.

большинство их было выслано или уничтожено. Требы частично исполнялись католическими священниками восточного обряда, которые двигались вместе с германской армией на восток.»³⁰

В итоге, несмотря на все ограничения, в период оккупации имело место действительное возрождение религиозной жизни, оказавшее значительное влияние на дальнейшую историю страны. По разным данным, на захваченных территориях за это время было открыто от 7 до 10 тысяч только христианских храмов. Повсеместно стали появляться церковные школы для обучения детей религии, школы для подготовки духовенства, пастырские курсы. Помимо этого, религиозные общины снова начали, как и в дореволюционный период, играть значимую социальную функцию, беря на себя попечение о малоимущих, сиротах, больных, престарелых и т.д. И это при том, что в полном соответствии с установками германского руководства, данные организации были сильно децентрализованы, а система управления ими – сложной и запутанной. Общий эффект оказался настолько сильным, что в том числе и по этой причине, всерьез опасаясь проиграть борьбу на идеологическом фронте, советское политическое руководство в качестве ответной меры было просто вынуждено сделать со своей стороны соответствующие послабления, покончить с политикой искоренения религии и предоставить последней определенное место в жизни советского общества, уже неизбежно сохранившееся и на послевоенный период.

§ 4. Система образования и здравоохранения

В период оккупации в захваченных Рейхом советских областях продолжала функционировать и система образования, хотя по понятным причинам ее объем значительно снизился, а содержание изменилось. Так, высшие учебные заведения не работали вообще, профессиональное образование сохранилось лишь в незначительной степени. Что же касается

³⁰ Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. – М.: Посев, 1993. С. 70-85.

школ, то как они составили подавляющую массу действовавших на оккупированных территориях учебных заведений. До начала 1942 года, когда затяжной характер войны на Восточном фронте еще не стал очевидным, германские власти не уделяли большого внимания сфере просвещения, но затем обратились к ней из чисто практических соображений. Во-первых, система образования являлась хорошим полем для ведения идеологической пропаганды среди молодежи. Во-вторых, нормальное функционирование школ предотвращало рост детской и подростковой преступности, безнадзорности, а также бродяжничества. Далее, забота об этой сфере в глазах гражданского населения выглядела несомненным плюсом. Наконец, с помощью школ можно было осуществлять подготовку молодежи для возможных дальнейших работ на территории Германии.

Учебные программы подвергались серьезной корректировке и в них включались лишь самые необходимые предметы, как правило русский язык, немецкий язык, арифметика, география, естествознание, труд и физкультура. При этом объем преподавания определялся специальными предписаниями для учителей, издаваемыми германскими властями. Помимо этого, в ряде школ началось еще и преподавание Закона Божьего, однако же происходило это далеко не везде, главным образом по причине нехватки квалифицированных законоучителей.³¹ Разумеется, в ходе подготовки учебного процесса из программ устранились все элементы, имеющие отношение к пропаганде советского строя и замещались соответствующей прогерманской и антибольшевистской пропагандой, учебники корректировались, а педагогические кадры проходили соответствующую переподготовку. В целом учебно-педагогическая работа находилась в ведении отделов просвещения при органах местного самоуправления, каковые отделы, в свою очередь, курировались германскими «представителями

³¹ Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941 – 1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 72 – 73.

министерства пропаганды по школам».³² Но несмотря на все проводившиеся оккупационными властями в этом направлении мероприятия, организация системы образования оставляла желать лучшего. Работа школ далеко не во всех районах была регулярной, отнюдь не все дети школьного возраста получили возможность учиться, имелся постоянный дефицит учебных материалов, педагогических кадров, а в ряде населенных пунктов отмечался и недостаток самих школьных зданий. Кроме того, труд преподавателей оплачивался не слишком высоко (зарплаты в зависимости от стажа и квалификации колебались в пределах 500 – 700 рублей), а получение детьми образования, поначалу позиционировавшееся, как бесплатное, на деле быстро стало платным.³³

Подобно системе образования, система здравоохранения начала восстанавливаться и упорядочиваться оккупационными властями лишь с 1942 года, когда стал очевидным затяжной характер войны. Работа медицинских учреждений планировалась по довоенному образцу и относилась к ведению отделов здравоохранения при органах местного самоуправления, однако проблем здесь возникло даже больше, чем в образовательной сфере. Дело в том, что медицинские кадры, равно и оборудование больниц, и основные медикаменты, в большинстве своем были эвакуированы Советами при отступлении, как представлявшие существенное значение. Поэтому на протяжении всего периода оккупации на захваченных территориях ощущался резкий дефицит и врачей (особенно высококвалифицированных), и больничного инвентаря, и лекарственных средств. Это усугублялось еще и тем, что в ряде периферийных районов работа транспорта оказалась почти парализованной, а перемещение гражданских лиц – ограниченным самими оккупационными властями ввиду высокой партизанской угрозы. Так что по факту жители множества

³² Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941 – 1944. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. С. 102-123.

³³ Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941 – 1944. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. С. 102-123.

населенных пунктов в сельской местности доступа к медицинской помощи не имели вообще. Вкупе с такими факторами, как рост антисанитарии и часто недостаточным питанием людей, это привело к увеличению смертности от болезней.³⁴ В тех же районах, где медицина была доступной, для большинства людей ее услуги являлись платными. Исключение делалось лишь таким категориям, как военнослужащие РОА, сотрудники вспомогательной полиции, служащие органов местного самоуправления, неимущие и находящиеся на соцобеспечении.³⁵ Несмотря на то, что работа врачей оплачивалась достаточно хорошо, а продолжительность рабочего дня у медиков была относительно невысокой (обычно 6-7 часов), в целом сфера здравоохранения финансировалась совершенно недостаточно. Препараты, дополнительно выделяемые от германских госпиталей, поступали в ограниченном количестве, так что их выдача была строго регламентирована, а в ряде случаев использовались либо лекарства с истекшим сроком годности, либо их заменители в виде отваров и настоев лекарственных трав. При этом хранение медикаментов, не выписанных врачом, а также оказание медицинской помощи лицами, не имеющими лицензии, строго запрещалось и наказывалось оккупационными властями, поскольку являлось поводом для подозрений в причастности к партизанскому сопротивлению.

Отдельно следует сказать о трагедии, связанной с судьбой пациентов психиатрических клиник, располагавшихся в оказавшихся под оккупацией районах. Поскольку с точки зрения нацистской идеологии психически нездоровые люди считались «неполноценным элементом», большинство из них было попросту убито, а остальные (страдавшие наименее тяжелыми формами расстройств) подвергнуты стерилизации.³⁶ В большинстве случаев в этих преступлениях принимали непосредственное участие и представители медперсонала, и это (равно и участие в мероприятиях по отправке

³⁴ Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941 – 1944. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 95 – 96.

³⁵ Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941 – 1944. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 93.

³⁶ Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. – М.: АСТ, 2002. С. 150 – 151.

гражданских лиц на принудительные работы на территорию Рейха) оставляет огромное темное пятно на репутации медицинских работников.

§ 5. Система безопасности и правопорядка

Основным органом обеспечения правопорядка на оккупированных советских территориях являлась служба вспомогательной полиции, личный состав которой формировался из числа местных граждан. При этом в отличие от других захваченных стран, где продолжали функционировать те полицейские силы, что существовали в них и до войны, в СССР такое почти не представлялось возможным, потому что кадры милиции в массе своей оказались либо мобилизованными в Красную Армию, либо влились в подпольные группы и партизанские формирования, либо бежали.³⁷ Собственные же германские полицейские структуры, состоявшие из тайной полевой полиции (ГФП), фельджандармерии и нескольких охранных дивизий и бригад, просто физически не могли контролировать столь обширную территорию с весьма значительным населением. Поэтому по мере продвижения германских войск на восток штабы фельджандармерии, прибывавшие в занятые области, сразу же приступали к формированию выполнявших полицейские задачи отрядов из числа местного населения, именовавшихся «местными боевыми подразделениями» (ЕКА).³⁸ Уже 29 августа 1941 года командующим тыловыми районами было разрешено создавать во взаимодействии с руководством СС подразделения вспомогательной полиции из местных жителей и бывших военнопленных, а 6 ноября Генрихом Гиммлером был подписан приказ, регулировавший данный вопрос применительно к гражданской зоне оккупации. Документом предусматривалось объединение всех ранее созданных формирований во «вспомогательную службу полиции порядка», состоящую из индивидуальной

³⁷ Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция. – М.: Вече, 2010. С. 18 – 20.

³⁸ Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция. – М.: Вече, 2010. С. 28.

службы по охране порядка в городах и сельской местности, батальонов вспомогательной полиции, пожарной охраны и вспомогательной охранной службы, причем главной функцией последней была охрана тюрем и лагерей для военнопленных. Окончательно статус новой службы был закреплён совместным приказом Генриха Гиммлера и Альфреда Розенберга от 19 ноября 1941 года «О подчиненности полицейских служб на оккупированных территориях».³⁹

Что касается подбора личного состава, то в целом полицейский контингент отражал социальную структуру района, в котором набирался, причем критерии, по которым желающих записывали на службу, не были на деле слишком строгими. О последнем свидетельствует хотя бы тот факт, что в органы полиции нередко попадали участники сопротивления и бывшие партизаны, а также иные лица, которых нельзя было назвать лояльными к оккупантам. Тем не менее, вспомогательная полиция в основном справлялась с возложенными на нее задачами, не испытывала дефицита кадров и была весьма многочисленной. Достаточно сказать, что за весь период оккупации через нее прошло порядка 400 тысяч человек, а по некоторым оценкам и больше.⁴⁰ Такая популярность этой службы объяснялась целым рядом причин, и в частности тем, что полицейские получали хорошее довольствие, имели ряд льгот (например, на бесплатное медицинское обслуживание) и совершенно гарантировались от трудовой мобилизации и отправки на работы в Рейх.⁴¹ Штат сотрудников определялся на местах комендатурами, а также городскими и районными управлениями, и на всех оккупированных территориях набирался примерно одинаково исходя из численности в 3-5 полицейских на деревню, 10-20 на волость и порядка 100 на райцентр. В крупных же городах их количество определялось в зависимости от конкретных условий и реальных потребностей. Помимо штатных сотрудников, к решению возлагавшихся на полицию задач привлекались еще

³⁹ Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция. – М.: Вече, 2010. С. 30 – 32.

⁴⁰ Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. – М.: АСТ, 2002. С. 31.

⁴¹ Жуков Д.А., Ковтун И.И. Русская полиция. – М.: Вече, 2010. С. 18 – 20.

и внештатные агенты, информаторы и осведомители, число которых было значительным, поскольку за такую работу эти люди получали поощрения в виде платы либо льгот. Стоит однако отметить, что в сельской местности, особенно на периферии (где германское военное присутствие было невысоким) в районах партизанской активности, указанное количество полицейских часто оказывалось недостаточным ввиду явного превосходства партизан. И поскольку именно сотрудники полиции и их семьи рисковали стать первыми жертвами партизанского террора, а при переходе к партизанам – уже ответного террора со стороны карательных отрядов, они нередко предпочитали вести двойную игру, в зависимости от текущей ситуации работая в интересах то оккупантов, то сил сопротивления. Так что дисциплина и лояльность были свойственны полиции далеко не везде и не всегда.

И рядовой, и командный состав службы проходил предварительное обучение, проводившееся сотрудниками германской полиции безопасности либо окружного военного управления, после чего допускался к исполнению должностных обязанностей. Продолжительность таких курсов составляла обычно около двух недель, и за это время учащимся преподавали основные принципы и правила отношений с населением и с представителями оккупационных властей, правила составления документации, регламент караульной службы, технику обращения с оружием. В дальнейшем же полицейские руководствовались специально для них составленными «Предписаниями для службы порядка».⁴² Стоит при этом отметить, что подобно всем прочим системам, созданным оккупационным режимом на захваченных территориях, служба вспомогательной полиции была децентрализованной, не имела единой системы руководства, могла носить разные наименования в зависимости от конкретной области, в которой располагалась, и даже не имела единой униформы. Набор ее функций также

⁴² Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941 – 1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 107-113.

мог варьироваться, и помимо основных задач полицейские иногда привлекались, например, к паспортизации населения, организации обязательных хозяйственных работ и т.п.⁴³

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что весь ход практических мероприятий по реализации оккупационной политики на восточных территориях демонстрирует отсутствие четкой, хорошо продуманной и спланированной системы, и зачастую носит черты импровизации. В ряде моментов оккупационные власти допускали серьезные просчеты, не позволявшие добиться желаемого эффекта и реализовать потенциал, имеющийся в той или иной сфере. Это объясняется и тем, что оккупационные власти, рассчитывая на скоротечность военной кампании, до некоторых пор откладывали решение многих насущных вопросов «на потом»; и отсутствием единого управления, усугубленным характерной для Рейха борьбой компетенций; и неоднозначностью позиций, имевшихся у представителей германского руководства по ряду ключевых вопросов; и неверной оценкой ситуации в захваченных областях, проистекающей от недостатка информации о действительных реалиях жизни советского общества.

⁴³ Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941 – 1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 104 – 105.

Глава 3. Национальная политика Третьего Рейха на оккупированных территориях

Весьма важной задачей, стоявшей перед оккупантами, являлась выработка продуманной политики в отношении проживавших на захваченных территориях национальных групп с тем, чтобы привлечь их симпатии на свою сторону и заинтересовать в сотрудничестве с новой властью. Теоретически, для этого имелась благодатная почва, поскольку в западных районах СССР проживал ряд народов, тяготевших к обретению суверенитета и даже имевших таковой в течение некоторого периода времени, а также национальностей, в той или иной степени пострадавших от имперской политики еще Российской империи, и потому так же стремившихся к большей независимости. С германской точки зрения такое положение вещей расценивалось как благоприятное, но с другой стороны, предоставление местным националистическим силам слишком большого влияния и самостоятельности считалось нежелательным, а какая-либо консолидация этих сил друг с другом – и вовсе опасной, ибо в долгосрочной перспективе это могло угрожать интересам Рейха на Востоке. Как следствие, оккупационные власти проводили здесь весьма осторожную политику, не переходя в своих контактах с националистами известных пределов, причем пределы эти (ввиду неопределенности и разнородности взглядов, имевшихся в германском руководстве по этому вопросу) зачастую определялись личными воззрениями рейхскомиссара либо военного руководителя, о зоне ответственности которого шла речь.

При этом имелись три национальных группы, отношение к которым у оккупантов сразу было совершенно однозначным: этнические немцы, евреи и цыгане. Первая группа являлась заведомо привилегированной, причем что интересно, к фольксдойче, согласно германским инструкциям, относили не только собственно лиц, имевших в своей родословной хотя бы по одной из линий немецких предков, но и людей иного происхождения, лишь бы

относительно них не было «расовых сомнений», а менталитет их соответствовал германскому. Как правило, решение о причислении претендента к этой категории принималось чиновниками СС либо гебитскомиссарами.⁴⁴ Как представители германской нации, фольксдойче фактически приравнивались к уроженцам Рейха, пользовались полным доверием и имели приоритетное право на занятие руководящих должностей в органах оккупационной администрации, службу в частях Вермахта и СС. Доходило даже до того, что между Вермахтом и СС случались конфликты из-за потенциальных бойцов из числа этнических немцев.⁴⁵ Что же касается мотивации самих советских фольксдойче, то она была весьма высокой, в частности и потому, что сразу после начала войны в СССР начались повальные репрессии против этнических немцев, в итоге вылившиеся в депортацию более 900 тысяч человек этой национальности в отдаленные районы страны, в результате чего множество людей погибло. Это, плюс ряд и ранее имевших место притеснений со стороны советской власти, создало основу для очень лояльного отношения к оккупантам, причем весьма показательным, что даже принадлежащие к протестантской секте меннонитов украинские немцы добровольно поступали на службу в войска, хотя казалось бы, религиозные убеждения не позволяли им этого делать.

В противовес этническим немцам, евреи и цыгане оказались теми национальными группами, которым вообще не было места в «Новой Европе» в силу господствовавших в нацистской Германии идеологических установок. Поэтому и те, и другие на протяжении всего периода оккупации подвергались гонениям и репрессиям, для чего привлекались все силовые структуры, обеспечивавшие поддержание режима на захваченных территориях, включая и печально известные айнзатцгруппы СД. При этом в самом лучшем случае евреев и цыган ожидала после гетто отправка в

⁴⁴ Пономаренко Р.О. «Советские немцы» и другие фольксдойче в войсках СС. – М.: Яуза-пресс, 2014. С. 164.

⁴⁵ Пономаренко Р.О. «Советские немцы» и другие фольксдойче в войсках СС. – М.: Яуза-пресс, 2014. С. 168.

концлагеря, а в худшем их просто убивали. Точное число жертв нацистских преследований среди этих категорий подсчитать невозможно, поскольку разброс цифр крайне велик, но в любом случае их счет идет на десятки тысяч.

Довольно противоречивой оказалась политика оккупантов относительно белорусов. Несмотря на то, что в министерстве Розенберга потенциал белорусского националистического движения оценивался невысоко и перспективы сотрудничества полагались очень призрачными, у генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе имелась иная точка зрения на данный вопрос. Уже 22 октября 1941 года им был издан указ о разрешении на создание возглавляемой в основном представителями национально ориентированной интеллигенции «Белорусской народной самопомощи». Эта организация была призвана заниматься в основном вопросами возрождения белорусской культуры и образования, подготовкой национальных управленческих кадров, выполнять ряд задач социальной поддержки. Помимо этого, БНС могла курировать народное здравоохранение и выпускать периодические печатные издания на белорусском языке.⁴⁶ И поскольку существование такой организации в целом себя оправдало и в дальнейшем планировалось интегрировать ее в структуру оккупационной администрации, 29 июня 1942 года указом того же Кубе БНС были приданы более конкретные формы, а также созданы все ветви органов управления от центрального до низовых. При ее Центральном совете было сформировано пять отделов, включая отделы политики, культуры, образования, молодежи и пропаганды.⁴⁷ Таким образом, «Белорусская народная самопомощь» обрела черты всебелорусской организации, помимо вопросов культуры и просвещения начинавшей оказывать влияние также и на политическую, и на хозяйственную жизнь. Дошло до того, что со временем руководители БНС

⁴⁶ Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941 – 1945. – М.: Вече, 2008. С. 79.

⁴⁷ Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941 – 1945. – М.: Вече, 2008. С. 80.

начали периодически поднимать темы предоставления Белоруссии широкой автономии и даже независимости, формирования национального правительства и создания собственных вооруженных сил. И хотя говорить о независимости с учетом взглядов германского руководства на послевоенное устройство восточных областей по сути не имело большого смысла, по остальным пунктам генеральный комиссар явно выражал понимание и заинтересованность. Следующим его шагом стало создание 27 июня 1943 года «Белорусского совета доверия» – совещательного органа при генеральном комиссариате, призванном решать расширенный по сравнению с прежним спектр административных задач. Гибель Кубе в сентябре того же года в результате удачного покушения затормозило процесс развития белорусского националистического движения, и новый генеральный комиссар Курт фон Готтберг вернулся к этому вопросу лишь в конце декабря. С его одобрения БРД был преобразован в «Белорусский центральный совет», однако преемнику Кубе явно не хватало ни оптимизма, ни решимости, ни широты взглядов предшественника, так что до момента оставления немцами территории Белоруссии летом 1944 года никаких серьезных подвижек в развитии данного начинания не произошло. Плюс ко всему, невзирая на все достижения, белорусские националисты так и не смогли приобрести действительно весомого влияния, и не только потому, что в массе своей население Белоруссии (состоявшее в основном из крестьян) было довольно аполитичным и лишенным четкого национального самосознания. Дело было еще и в том, что именно через Белоруссию проходили важнейшие линии снабжения группы армий «Центр», и поэтому именно здесь Советы развернули наибольшую партизанскую активность. Деятельность партизан неизбежно влекла за собою ответные карательные акции со стороны оккупантов, в результате чего мирное население оказывалось под двойным ударом и с той, и с другой стороны. В таких условиях ни о каких преобладающих симпатиях местных жителей к

оккупационному режиму и выразителям его интересов речи идти, конечно, не могло.

Напротив, в Прибалтике, где казалось бы, ситуация изначально гораздо больше благоприятствовала немцам, оккупационные власти проявили потрясающую близорукость и недальновидность. По логике, все три прибалтийских народа исторически ориентировались на европейское культурное пространство, а латыши и эстонцы — конкретно на германское, так что с ними было проще найти общий язык и понимание. Все три страны совсем недавно подверглись агрессии и оккупации со стороны СССР, а население в значительной степени пострадало от репрессий, так что ни малейших симпатий к советской власти ни эстонцы, ни латыши, ни литовцы в абсолютном своем большинстве не испытывали. Эти народы несомненно являлись потенциальными союзниками Рейха, но как раз их представители германского руководства в наименьшей степени рассматривали в качестве близких партнеров. Дело тут было главным образом в личном негативном отношении политических лидеров к прибалтам. Так, Адольф Гитлер явно недолгоблизил их за то, что в 1919 году те оказывали активное сопротивление германскому фрайкору, боровшемуся в Прибалтике против большевиков; проводившиеся ими тогда же акции по экспроприации имущества прибалтийских немцев; а конкретно латышей — за активную поддержку, оказанную теми советской власти в период Гражданской войны.⁴⁸ Точно так же с предубеждением относился к этим народам Альфред Розенберг, происходивший из прибалтийских немцев. Поэтому любые инициативы, исходившие от представителей местных националистических организаций и руководителей самоуправления, касавшиеся предоставления народам Прибалтики широкой автономии, неизменно блокировались Берлином. Более того, даже к идее создания национальных вооруженных формирований там относились скептически вплоть до весны 1942 года, а сам регион

⁴⁸ Прибалтика. Под знаком свастики (1941 – 1945). Сборник документов. – М.: Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. С. 8–9.

рассматривался почти исключительно как перспективный плацдарм для будущей германской колонизации.⁴⁹ Несмотря на это, население Латвии, Эстонии и Литвы было стабильно лояльным к оккупационному режиму и настолько же настроенным против Советов, поставляло в распоряжение германского командования многочисленные, надежные и весьма боеспособные кадры бойцов в составе национальных вооруженных формирований, а что касается административной системы, то на этих территориях она организовывалась вполне самостоятельно, быстро и эффективно, так что немцам практически не приходилось вмешиваться в ее работу.⁵⁰ Разумеется, среди германских чиновников имелись дальновидные люди, которые видели вопиющее несоответствие между осуществляемой политикой и реальным положением дел, могли оценить возможные перспективы. Так, генеральный комиссар Эстонии Карл Зигмунд Литцманн даже направил 31 марта 1943 года меморандум на имя рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, в котором обосновывал настоятельную необходимость предоставления Эстонии государственного суверенитета с последующим подписанием союзного договора с Рейхом.⁵¹ Однако эта и ей подобные инициативы не получили развития, поскольку явно входили в противоречие с определенной в верхах, пусть еще и далеко не в окончательной форме, восточной политикой.

Ситуация совсем иного рода сложилась в Украине, которая еще до войны была объектом очень пристального внимания лично Альфреда Розенберга, а само движение украинских националистов находило у германского руководства всяческое одобрение и поддержку, вплоть до прямого сотрудничества с Абвером. По мнению Розенберга, симпатизировавшего украинцам в весьма большой степени, именно этот

⁴⁹ Прибалтика. Под знаком свастики (1941 – 1945). Сборник документов. – М.: Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. С. 10.

⁵⁰ Прибалтика. Под знаком свастики (1941 – 1945). Сборник документов. – М.: Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. С. 42.

⁵¹ Прибалтика. Под знаком свастики (1941 – 1945). Сборник документов. – М.: Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. С. 56.

народ имел самое высокое национальное самосознание среди всех, населявших европейскую часть СССР, а следовательно, представлял наибольший интерес для долговременного сотрудничества. Тем не менее, сложившаяся к моменту начала войны концепция восточной политики все же не подразумевала создания самостоятельного украинского государства, во всяком случае в обозримой перспективе. В итоге противоречие между желаниями националистов, обещаниями их покровителей и реальным положением вещей привели уже летом 1941 года к курьезной ситуации, после которой ОУН оказалась в положении полулегальной организации, формально находившейся вне закона, и при этом на деле почти не преследуемой, но во всяком случае утратившей возможность серьезно влиять на политику оккупантов в Украине. Дело в том, что как только 30 июня 1941 года Львов был полностью очищен от советских войск, в городе состоялось заседание членов Украинского национального комитета, в ходе которого был утвержден и затем зачитан по радио «Акт провозглашения Украинского государства»:

«1. Волей украинского народа Организация Украинских Националистов под руководством Степана Бандеры провозглашает восстановление Украинской Державы, за которую сложили головы целые поколения наилучших сынов Украины. Организация Украинских Националистов, которая под руководством ее создателя и вождя Евгена Коновальца вела в последние десятилетия кровавого московско-большевистского рабства последовательную борьбу за свободу, призывает весь украинский народ не складывать оружия до тех пор, пока на всех украинских землях не будет создана Украинская Суверенная Держава. Суверенная украинская власть наладит украинскому народу безопасность и порядок, всестороннее развитие всех его возможностей и удовлетворение всех его нужд.

2. На западных землях Украины создается украинская власть, которая подчиняется Украинскому Национальному Правительству, которое создается

в столице Украины – Киеве в соответствии с волеизъявлением украинского народа.

3. Обновленная Украинская Держава будет тесно сотрудничать с национал-социалистическим Рейхом, который под руководством Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и в мире и помогает украинскому народу освободиться от московской оккупации. Украинская Национальная Революционная Армия, что создается на украинской земле, борется вместе с союзной немецкой армией против московской оккупации за Суверенную Соборную Украинскую Державу и новый справедливый порядок во всем мире.

Да здравствует Суверенная Свободная Украинская Держава! Да здравствует Организация Украинских Националистов! Да здравствует Руководитель Организации Украинских Националистов Степан Бандера! Слава Украине! Героям слава!

Ярослав Стецко, Председатель Национального Сбора

Львов, 30 июня 1941 г.»⁵²

Интересно, что германские военные сразу же узнали о провозглашении этого акта, но поначалу не придали событию должного значения, полагая, что все могло быть санкционировано высшим руководством Рейха. И только спустя несколько дней в произошедшем разобрались, после чего руководители ОУН были задержаны и посажены под домашний арест, а сама организация утратила доверие немцев и потому не смогла реализовать возможностей, которые открывало перед ней сотрудничество с оккупантами. Разумеется, история эта сказалась и на репутации Альфреда Розенберга, который в своем взаимодействии с лидерами ОУН явно переиграл, в результате чего потерял контроль за ситуацией.

Что же касается оккупированных территорий собственно России, то там немецкие власти не проводили никаких реальных мероприятий, направленных на создание политических структур, могущих претендовать на

⁵² Чуев С.Г. Украинский легион. – М.: Яуза, 2006. С. 204 – 205.

общерусское лидерство. Деятельность власовского Комитета освобождения народов России началась уже в конце 1944 года, когда по факту вся территория СССР вновь контролировалась Советами. Такие же автономные образования, как Локотская республика, на роли подобного масштаба отнюдь не претендовали. Наибольших же успехов национальная политика оккупационных властей достигла, как ни странно, как раз применительно к народам, имеющим весьма отдаленное отношение к европейскому культурному пространству. Речь идет в первую очередь о крымских татарах, калмыках, казачестве и народностях Кавказа. Они представляли интерес в основном потому, что жили в значительной степени традиционным укладом, а их культура и мировоззрение были сильно завязаны на религии. Поэтому в 20-е – 30-е годы как раз представители этих национальных групп в наибольшей степени пострадали от действий советской власти, почти лишившись своей элиты, значимых святынь и в значительной мере – привычного образа жизни. В связи с этим простое восстановление старых традиций дало немцам мощнейшую поддержку со стороны абсолютного большинства представителей указанных народов, тем более что никаких действительно серьезных политических требований последние и не предъявляли. Оккупационным властям такое сотрудничество было выгодно еще и с той стороны, что оно прекрасно укладывалось в концепцию послевоенного устройства восточных территорий, способствовало децентрализации захваченных областей, а представителей этих самых народов затем можно было эффективно использовать в качестве противовеса любым центристским тенденциям, буде такие возникнут. В дальнейшем, когда германская армия начала явно терпеть поражение на Восточном фронте, это сотрудничество привело к большим трагедиям. Калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, казаки, крымские татары попали в итоге в разряд «народов-предателей» и подверглись массовым репрессиям и депортациям со стороны советской власти.

Подытоживая изложенное выше, можно говорить о том, что национальная политика германских властей на оккупированных территориях чаще всего выстраивалась крайне недальновидно и непродуманно, без учета реального положения вещей, и притом сильно зависела от созданных идеологией стереотипов и даже от субъективных предпочтений лидеров Рейха. Здравые предложения и инициативы, исходившие от руководителей на местах, способных действительно правильно оценивать ситуацию, не находили поддержки в верхах, а если обратное и происходило, то с большим запозданием и неоправданной осторожностью. В результате те возможности, что открывались перед оккупантами в деле взаимодействия с местными националистическими силами, оказались реализованными (за некоторыми лишь исключениями) в незначительной степени и это сильно повлияло в негативную сторону на отношение населения к оккупантам, первоначально нередко доброжелательное. Отсюда можно сделать заключение не только о слабой эффективности германской политики в национальном вопросе, но и о том, что такая политика часто играла на руку Советам и способствовала активизации движения сопротивления в оккупированных областях.

Глава 4. Реакция советского общества на оккупационный режим. Феномен советского коллаборационизма и его влияние на «Восточную политику» Третьего Рейха

При рассмотрении истории периода оккупации, невозможно не затронуть такого явления, как военный и гражданский коллаборационизм. Разумеется, применительно к любой войне и любому захвату некоей территории силами иностранной державы, сотрудничество местного населения с оккупантами неизбежно имеет место, поскольку является необходимым условием выживания этого самого населения. И в этом случае чаще всего можно говорить о пассивном гражданском коллаборационизме. С другой стороны, в любом государстве есть группы граждан, настолько недовольных существующей системой, что в подобных условиях сами добровольно и осознанно предлагают свои услуги оккупантам в расчете на то, что те смогут способствовать изменениям в общественной жизни, желательным для таких граждан. Это, несомненно, уже пример активной коллаборации. Наконец, всегда имеется определенное число приспособленцев, исповедующих настолько беспринципный конформизм, что работает вообще на любую власть, преследуя лишь личные выгоды, и таких тоже немало. Однако же события Второй мировой войны дают на примере советского общества совершенно беспрецедентный в мировой военной истории случай массового сотрудничества с оккупантами, настолько масштабного, что само явление можно рассматривать, как один из наиболее существенных факторов, определявших ход военного противостояния, причем не только на Восточном фронте.

Если брать гражданский коллаборационизм, то можно увидеть, насколько активно действовали на оккупированных территориях местные националистические организации и сколь значительное участие принимали в поддержании функционирования оккупационного режима. Будь это иначе, противнику просто не удалось бы в течение столь длительного времени

удерживать занятые территории и при этом эффективно вести боевые действия против Советов. Только лишь собственными силами осуществить контроль за огромным пространством, на котором проживало около 40% населения СССР, немцы не могли даже теоретически. Не менее примечателен и тот факт, что в руководящем звене самоуправления в оккупированных областях было очень велико число бывших советских партийных кадров, по приблизительным оценкам доходящее до 30%.⁵³ Это четко свидетельствует о том, что утверждение об исключительной роли коммунистической партии в войне СССР против Германии и ее союзников, равно и о морально-политическом единстве и сплоченности самой этой партии – не более, чем миф, созданный советской пропагандой. И как раз значительное участие бывших советских управленческих кадров в оккупационных мероприятиях позволило в весьма сжатые сроки выстроить достаточно дееспособную разветвленную систему, способную регулировать важнейшие сферы общественной жизни, экономики и т.д.

Та же картина просматривается и при взгляде на военное сотрудничество советских граждан с оккупантами. Помимо уже упоминавшихся выше более чем 450 тысяч сотрудников вспомогательной полиции, часто принимавших участие и в боевых действиях, имела еще огромная масса людей, воевавших в рядах Вермахта, СС и связанных с ними особых формирований, таких, как различные национальные подразделения, РОА, РОНА и т.п. Например, одних только «хиви» (добровольных помощников), служивших в Вермахте и СС и набравшихся как из числа военнопленных, так и из гражданских волонтеров, в течение всей войны набралось никак не меньше миллиона человек. Во всяком случае, согласно отчетности Управления Восточных войск по состоянию на февраль 1945 года таковых числилось все еще более 650 тысяч, а ведь первые «хиви» появились

⁵³ Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941 – 1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 307.

в германской армии в самом начале кампании против СССР.⁵⁴ Так, во время штурма Севастополя летом 1942 года в составе 11-й армии Эриха фон Манштейна числилось, к примеру, около 47 тысяч «добровольных помощников», а в 6-й армии Фридриха Паулюса, сражавшейся в Сталинграде, к ноябрю 1942 года воевало свыше 51 тысячи «хиви». Даже штатное расписание немецкой пехотной дивизии на момент осени 1943 года вполне официально предусматривало соотношение в 2 тысячи восточных добровольцев на 10 700 человек личного состава, то есть порядка 18% от общего числа.⁵⁵

Немало бывших советских граждан вступало в ряды Waffen-SS, причем в количествах, достаточных для формирования целых добровольческих национальных дивизий. Так, в боевых действиях принимали активное участие 1-я казачья, 14-я гренадерская «Галиция» (она же 1-я украинская), 15-я гренадерская (1-я латышская), 19-я гренадерская (2-я латышская), 20-я гренадерская (1-я эстонская), 29-я гренадерская «РОНА» (1-я русская), 30-я гренадерская (2-я русская) дивизии СС. И это не считая других, более мелких формирований. Сражались же эти восточные подразделения не только собственно на Восточном фронте, но и на других театрах военных действий, включая Италию, Балканы и Западную Европу. Например, при обороне французских Шербура и Сен-Назера отличились своей храбростью и стойкостью 795-й грузинский батальон «Шалва Маглакелидзе» и 798-й грузинский батальон «Царь Ираклий II».⁵⁶ Во время битвы за Нормандию активное противодействие англо-американским войскам оказывали 800-й карачаево-черкесский, 803-й и 835-й северокавказские батальоны.⁵⁷ И подобных примеров можно привести еще множество.

Что же касается боевых качеств и мотивации личного состава, то они не всегда и не везде были одинаковы. Конечно же, многие добровольцы,

⁵⁴ Чуев С.Г. Проклятые солдаты. – М.: Яуза – Эксмо, 2004. С. 63.

⁵⁵ Чуев С.Г. Проклятые солдаты. – М.: Яуза – Эксмо, 2004. С. 62.

⁵⁶ Чуев С.Г. Проклятые солдаты. – М.: Яуза – Эксмо, 2004. С. 534.

⁵⁷ Чуев С.Г. Проклятые солдаты. – М.: Яуза – Эксмо, 2004. С. 542.

особенно из числа бывших военнопленных, шли на службу к противнику лишь для того, чтобы выжить, поскольку в противном случае их шансы не выглядели слишком высокими — тут достаточно принять во внимание условия содержания и уровень смертности в лагерях для советских пленных. Но другие волонтеры делали свой выбор вполне осознанно, и таких было как минимум не меньше, иначе сами немцы не отзывались бы о своих восточных союзниках в столь положительных тонах. Уровень дисциплины в добровольческих подразделениях был, несомненно, ниже, чем в германской армии, но во всем прочем они вполне удовлетворяли предъявляемым требованиям. Вот, например, каких отзывов от своих немецких инструкторов удостоились солдаты рот, укомплектованных крымскими татарами:

«Татары хорошо несут внутреннюю службу, стараются хорошо выглядеть, соблюдают чистоту и в этом смысле выглядят лучше по сравнению с теми русскими подразделениями, которые состоят у нас на службе... Настроение в татарских ротах нужно считать хорошим. Немецкие воспитатели говорят, что татары очень горды тем, что им доверяется такая служба и уделяется внимание во время службы или после нее.»⁵⁸

И хотя оценить общее количество советских граждан, участвовавших в боевых действиях на стороне противника, очень сложно (в том числе и по причине неполноты статистических данных), все же можно полагать, что речь должна идти о цифре порядка двух миллионов человек. Игнорировать такие показатели совершенно невозможно, и понятно, что их нельзя считать результатом перехода на службу к оккупантам каких-то предателей-одиночек, как то пыталась представить в свое время советская пропаганда. Напротив, хорошо видно, что дело тут в неких глубоких изъянах и не менее глубоких социальных конфликтах, присущих советской системе.

Такой вывод подтверждается и характером противодействия оккупационному режиму, которое было едва ли намного слабее, нежели содействие. И партизанское движение, и акции подпольных групп

⁵⁸ Чуев С.Г. Проклятые солдаты. — М.: Яуза — Эксмо, 2004. С. 489.

сопротивления направлялись в основном не против самих оккупантов, а против их пособников. Та же часть гражданского населения, что занимала нейтральную позицию и старалась просто выжить в создавшихся условиях, оказывалась в данной ситуации меж двух огней. Поэтому не будет слишком сильным преувеличением сказать, что для СССР события тех лет носили ряд отчетливых признаков гражданской войны. Здесь следует понимать, что причины этого коренятся не только в самой советской системе. Многие корни конфликта уходят в самое начало XX века и даже раньше, к тем истокам, из которых родилась русская революция и затем Гражданская война. Несмотря на свершившуюся смену социального строя и установление новой формы государства. Советская власть зачастую не только не способствовала устранению противоречий и конфликтов, но и усиливала их своей безграмотной агрессивной политикой принуждения и диктата. Массовые политические репрессии, голод, религиозная политика, принудительная коллективизация, отсутствие реальных прав и свобод у населения, крайне низкий уровень жизни и отсутствие перспектив вызывали у большой массы людей озлобление и недовольство против советского режима. В мирное время это не проявлялось явно, поскольку над народом довели тотальный контроль властей и мощь карательного аппарата государства. Но как только началась война с Германией, на сцене появилась новая враждебная советской системе сила и сразу же возникли соответствующие условия для широкой поддержки этой силы, пусть даже для советских граждан она тоже не являлась дружественной.

Казалось бы, при подобном раскладе победа в войне на Востоке сама шла Рейху в руки, а одно только это ставило бы под большой вопрос конечный исход всей Второй мировой войны. Но победы не случилось, и главным образом потому, что было упущено время. По-настоящему германское руководство заинтересовалось тонкостями регулирования восточной политики и формированием военных подразделений из числа восточных добровольцев лишь с 1942 года, когда характер боевых действий

совершенно очевидно стал затяжным. К тому времени многие люди, ранее возлагавшие надежды на оккупантов, уже испытали разочарование, а СССР преодолел кризис, связанный с разгромом лета-осени 1941 года. Так, Вильфрид Штрик-Штрикфельдт в своих мемуарах отмечал:

«В бесчисленном множестве случаев советские командиры со своими солдатами ставили себя в распоряжение германских частей. В одном случае, помню, артиллерийский офицер перешел к нам со всем личным составом батареи и с четырьмя орудиями. Они хотели сразу же бороться вместе с немцами против Сталина и его «своры палачей». И они не могли понять, почему немцы их разоружают и отправляют в лагеря для военнопленных. «Вы же сами призывали нас выступить против нашего общего врага! – протестовали они. – Что же, это были пустые слова?» Что мог ответить германский офицер в таком случае?»⁵⁹

И далее Штрик-Штрикфельдт высказывается еще более определенно, характеризуя складывавшуюся тогда в советском обществе ситуацию, как революционную, и сетуя на то, что германское руководство этой революции просто не заметило:

«В июне 1941 года толчок извне пришел, и подлинная русская революция вспыхнула. Не в Москве и не в городах и селах, все еще находившихся под властью Сталина, а в занятых немецкими войсками областях с населением почти в 70 миллионов человек. Эти миллионы интересовались не мировоззрением немцев, а их политическими целями; всеми ими руководило одно стремление: с помощью хорошо вооруженных оккупантов сбросить гнет террора, насилия и нужды в России. Революция шла всюду там, где офицеры и солдаты Красной Армии складывали оружие и изъявляли готовность бороться с угнетателями на стороне своих освободителей, кто бы они ни были. Революция захватила, в первую очередь, лишь в 1940 году закабаленных советской властью латышей, эстонцев и литовцев. Эти народы еще хорошо помнили свою свободу и политическую

⁵⁹Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. – М.: Посев, 1993. С. 85-89.

самостоятельность за 1919 – 1939 годы. По вступлении советских войск на территорию этих стран они пережили подавление свободы, аресты и депортации. С другой стороны, они еще не знали обратной стороны национал-социализма, тем более, что Гитлер обещал уважать независимость малых народов... Конечно, успехи германского военного командования и фронтовых частей заслуживали признания. Но даже и начальные успехи германской армии были бы невозможны без объективного наличия революционной ситуации в Советском Союзе. Эту революцию распознали лишь немногие.»⁶⁰

И здесь возникает вопрос, по каким же причинам руководство Рейха не смогло увидеть открывающиеся перед ним возможности, и только ли косность мышления, обусловленная идеологическими установками, помешала эти возможности реализовать? Думается, едва ли не главная причина крылась опять-таки в особенностях советской системы, а именно – в ее полной замкнутости на саму себя и изолированности от внешнего мира. Если Третий Рейх в этом плане был государством достаточно открытым, и сторонний наблюдатель при желании мог получить достаточно корректное представление о жизни и настроениях населения Германии, то применительно к СССР такое было попросту невозможно. Эта особенность советского режима представляла огромную головную боль даже для асов внешней разведки, не говоря уже о политиках, поэтому германские лидеры перед началом войны имели ограниченные представления о том, что на самом деле происходит внутри советского общества. Более того, они, руководствуясь одними лишь предположениями, искренне считали, что процесс идеологической перестройки населения зашел в СССР настолько далеко, что никакое массовое сопротивление режиму уже невозможно. Именно потому в начальный период войны ставшие вполне очевидными тенденции воспринимались немецкими лидерами с недоверием или же вовсе игнорировались. Конечно, со временем это положение вещей изменилось, и

⁶⁰ Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. – М.: Посев, 1993. С. 85-89.

по ходу войны оккупанты стали придавать все больше внимания сотрудничеству с населением оккупированных областей и шли на пересмотр многих положений своей восточной политики. И подобные же процессы происходили в СССР, где власти были просто вынуждены изменить ряд идеологических и политических установок для того, чтобы не допустить краха государства. В обоих случаях эти меры оказались запоздалыми, но в силу ряда объективных факторов Третий Рейх не смог выдержать борьбы и потерпел поражение, в то время как Советский Союз устоял. Однако же практически никаких серьезных выводов из этого сделано не было, и все те противоречия и конфликты, что поставили СССР на грань поражения, в дальнейшем так и не были разрешены. И бомба, заложенная большевиками под собственный режим, через 50 лет взорвалась снова, положив конец советскому государству.

Глава 5. Технологическая карта урока «Немецкий оккупационный режим на территории СССР в годы Великой Отечественной войны»

Тип урока: урок открытия новых знаний.

Цель урока:

- ставится детьми: изучение целей оккупационной политики фашистской Германии в войне против СССР;

- ставится учителем: создание условий для получения и осознания учащимися новой учебной информации об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР, способствовать дальнейшему развитию у детей умений осмысливать проблемы, анализировать факты, черпать информацию в различных источниках, логически выстраивать аргументацию собственной позиции, выявлять главное в документах, отбирать из них данные в соответствии с поставленной задачей, делать резюме; способствовать личностно-значимым переживаниям, воспитанию патриотизма и гуманизма.

Планируемые результаты:

Предметные:

1) Овладение исторической картиной мира: умение анализировать; сравнивать.

2) Формирование открытого исторического мышления: умение представлять и давать оценку политическому режиму фашистской Германии и его действиям.

3) Нравственное самоопределение личности: умение оценивать свои и чужие поступки, опираясь на систему морально-нравственных качеств.

Метапредметные:

1) умение соотносить свои действия с планируемыми результатами;

2) осуществлять контроль своей деятельности в процессе достижения результата;

3) умение устанавливать хронологические связи;

4) умение организовывать учебное сотрудничество и совместную деятельность с учителем и сверстниками; работать индивидуально и в группе;

5) умение устанавливать соответствия на основе исторического материала, исторической карты;

6) умение самостоятельно определять цели своего обучения, ставить и формулировать для себя новые задачи в учёбе и познавательной деятельности, развивать мотивы и интересы своей познавательной деятельности.

Личностные:

1) воспитание в себе гражданско-патриотических чувств через осознание своей принадлежности к Родине;

2) овладение историческими знаниями;

3) развитие нравственного сознания и компетентности в решении моральных проблем на основе личного выбора;

4) формирование нравственного поведения, осознанного и ответственного отношения к собственным поступкам.

Задачи урока:

Образовательные (формирование познавательных УУД):

1) уметь использовать ранее полученную информацию;

2) самостоятельное выделение и формулирование познавательной цели;

3) извлекать необходимую информацию из исторических источников;

4) определять основную и второстепенную информацию;

5) действие со звуковыми и знаково-символическими средствами;

6) структурировать знания;

7) делать выводы.

Развивающие (формирование регулятивных УУД):

1) развивать творческую деятельность учащихся путём решения учебных проблем, сформулированных на уроке;

2) развивать навыки планирования, прогнозирования, контроля и коррекции своей деятельности в соответствии с заданным эталоном через групповую и индивидуальную работу;

3) развивать навыки оценивания: выделения и осознания учащимися того, что уже усвоено и что еще подлежит усвоению, осознание качества и уровня усвоения.

Воспитательные (формирование коммуникативных и личностных УУД):

1) воспитывать коммуникативную культуру;

2) формировать нравственное самоопределение с опорой на общечеловеческие ценности при оценке деятельности государственных правителей;

3) планировать учебное сотрудничество с учителем и сверстниками: определение цели, функций участников, способов взаимодействия;

4) умение с достаточной полнотой и точностью выражать свои мысли в соответствии с задачами и условиями коммуникации;

5) владение монологической и диалогической формами речи в соответствии с грамматическими и синтаксическими нормами родного языка.

Термины и понятия: оккупация, фашизм, расизм, геноцид, холокост, план «ОСТ».

Формы работы учащихся: фронтальная, индивидуальная.

Организация деятельности учащихся на уроке: самостоятельно выходят на проблему и решают её; самостоятельно определяют тему и цели урока; работают в группе и индивидуально, решая поставленные задачи, отвечают на поставленные вопросы, рефлексиируют.

Учебно-методический комплекс:

1) Алгазин Д.А. Изучение Великой Отечественной войны на уроках истории. - М.: Просвещение, 1970. - 240 с.

2) Альтман, И.А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. — М.: Изд-во фонда «Холокост», 2002. - 320 с.

3) Балашов А.И., Рудаков Г.П. История Великой Отечественной войны. - СПб.: Питер, 2006. - 464 с.

4) Плоткин Г.М. Материалы и познавательные задания по отечественной истории. — М.: Просвещение: Учеб. лит., 1996. - 255 с.

Оборудование: карта «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.»; пакет документов по данной теме (для каждого учащегося); аудиозапись: «Седьмая симфония» Д.Шостаковича.

Ход урока:

Этапы урока	Время прохождения этапа	Деятельность учителя	Деятельность учащихся	Формирование УУД
Организационный момент	2	1) Учитель приветствует учащихся; проверка готовности класса к уроку, создает благоприятную атмосферу. 2) Звучит «Седьмая симфония» Шостаковича	Учащиеся настраиваются на работу, проверяют готовность своего рабочего места.	Коммуникативные: планирование учебного сотрудничества с учителем и сверстниками .
Актуализация	4	- Скажите,	Ученики по	Познавательны

ия знаний		пожалуйста, что вы почувствовали? Какие ассоциации вызвала у вас музыка? - Когда человек испытывает такое состояние, при каких обстоятельствах ?	очереди высказывают своё впечатление и отвечают на вопросы.	е: умение использовать полученную звуковую информацию, уметь получать информацию исходя из названия музыкального произведения и из его звукового настроения. Регулятивные: умение оценивать качество и уровень своих знаний; Коммуникатив ные: умение полно и точно выражать свои мысли, формирование коммуникативн ой
-----------	--	--	--	---

				компетентност и в общении и сотрудничестве со сверстниками, взрослыми в процессе образовательно й деятельности.
Постановка учебной задачи	5	Помогает поставить цели, для дальнейшего изучения используя проблемные вопросы: Что значит Отечественная война? А что мы знаем о фашистском режиме в Германии? Какие взгляды быть у политического руководства Германии того времени? Так о чём же мы	Ставят для себя цель: Проследить становление целей оккупационной политики фашистской Германии в войне против СССР. Ответить на вопрос: что было бы, если бы фашизм победил, что он нёс для советского народа? Ставят задачи для	Познавательны е: 1.самостоятель ное выделение и формулировани е познавательной цели. Регулятивные: 1. умение поставить цель и задачи для её достижения; 2. умение спланировать свою деятельность для выполнения задач.

		сегодня на уроке будем вести речь? Какие цели и задачи мы сейчас совместно поставим?	достижения цели: обратиться к словарю учебника, найти необходимую информацию, сделать необходимые записи, познакомить сверстников с новой информацией.	Коммуникативные: умение полно и точно выражать свои мысли, 2. умение задавать вопросы.
Изучение нового материала	12	Составление таблицы. Учитель разбивает детей на нужное количество групп (3), дает план, по которому нужно составить таблицу по теме урока: необходимо изучить документы №1-9	Учащиеся работают согласно плану и поставленным задачам: 1.разбиваются на группы; 2.Заполняют таблицу на отдельных листах, пользуясь учебником и атласом.	Познавательные: умение извлекать необходимую информацию из исторических источников; навыки смыслового чтения; определять основную и второстепенную

		и определите, какие политические цели преследовала фашистская Германия в войне против СССР. (Какие территории предполагалось заселить немцами? Какими средствами предполагалось удерживать в повиновении славян? Какая теория служила для оправдания гитлеровских целей? Что такое расизм?)		информацию; умение структурировать знания. Регулятивные: умение планировать, прогнозировать, контролировать и корректировать свою деятельность в соответствии с заданным эталоном; развитие творческой деятельности учащихся путём решения задач, сформулированных на уроке. Коммуникативные: умение планировать учебное
--	--	---	--	--

				сотрудничество
Решение учебных задач	15	Учитель спрашивает у каждой группы готовую таблицу, задаёт корректирующие вопросы, ученики делают дополнительные записи по ходу беседы. Каким представляется советский человек в немецкой пропаганде? Зная цели, скажите, было ли бы у нас Отечество при новом фашистском порядке? Что такое оккупация? Сколько же погибло	Учащиеся демонстрируют свои таблицы, рассказывают о них. Анализируют новую информацию, объединяют информацию в одно целое, самостоятельно , отвечают на вопросы учителя в индивидуальном порядке. Записывают обработанную информацию в тетради. Оценивают выступления друг друга.	Познавательные: умение структурировать информацию; умение делать выводы. Регулятивные: выделение и осознание того, что уже освоено и что ещё нужно освоить; умение соотносить свои действия с планируемыми результатами. Коммуникативные: умение полно и точно выражать свои мысли, умение владеть монологической и

	<p>гражданского населения?</p> <p>Какими методами оккупанты пытались укрепить свое господство и осуществить «переселение»?</p> <p>Кого фашисты стремились уничтожить в первую очередь? Почему?</p> <p>Какими методами велась эта оккупационная политика?</p> <p>Что помогло советскому народу победить в войне?</p> <p>Учитель предлагает ученикам оценить выступления своих</p>	<p>диалогической формами речи в соответствии с грамматическими и синтаксическими нормами родного языка. Личностные: умение оценивать поступки.</p>
--	--	--

		одноклассников.		
Информация о домашнем задании и инструктаж по его выполнению	2	<p>Задаёт домашнее задание с комментариями к нему:</p> <p>1) Приготовить сообщения: «Холокост на территории СССР в годы Великой Отечественной войны» и «Коллаборационизм и его особенности на территориях СССР»;</p> <p>2) Написать эссе «Фашизм — вчерашний день?»</p>	Записывают домашнее задание.	<p>Регулятивные:</p> <p>Планирование собственной деятельности.</p>
Рефлексия	5	Отвечают на вопрос: какие новые знания они сегодня получили?	Отвечают на вопросы.	<p>Познавательные:</p> <p>уметь использовать полученную информацию;</p> <p>Регулятивные:</p>

				умение контролировать свою деятельность владение основами самоконтроля, самооценки, принятия решений и осуществления осознанного выбора в учебной и познавательной деятельности. Коммуникатив ные: навыки коммуникативн ой культуры.
--	--	--	--	--

Приложение к уроку:

Документ 1. Из генерального плана «Ост» («Восток»).

а) Прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населенной русскими, на различные политические районы...

б) Вторым средством, еще более действенным, чем мероприятия, указанные в пункте «а», является ослабление русского народа в расовом отношении...

Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полувосточного типа. Оно не доставит много хлопот для германского руководства.

в) Целью немецкой политики по отношению к населению на русской территории будет являться доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев. Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе.

Документ 2. Из заявления Гитлера после нападения на СССР Лето 1941 г.

Мы обязаны истребить население — это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения. Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, то я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви.

Документ 3. Из высказывания Гитлера перед вермахтом. 1941 г.

Я намерен лишить «восточные» народы какой бы то ни было формы государственной организации и держать их на возможно более низком уровне культуры. Эти народы имеют только одно оправдание для своего существования — быть полезными для нас в экономическом отношении.

Документ 4. Из речи Гитлера на совещании в ставке верховного командования вооруженных сил. 16 июля 1941 г. (по поводу оккупационной политики в России).

Основной принцип заключается в том, чтобы этот гигантский пирог разделить наиболее сподручным образом и чтобы мы могли: во-первых, им владеть, во-вторых, им управлять и, в-третьих, его эксплуатировать.

Документ 5. К вопросу о будущем отношении с русским населением.

Из замечаний и предложений по генеральному плану «Ост» рейхсфюрера войск СС Берлин, 27.04.1942 г.

Есть много путей подрыва биологической силы народа... Следует пропагандировать также добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней. Следует сократить до минимума подготовку русских врачей по этим специальностям, не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям. Не должна оказываться помощь внебрачным детям. Не следует допускать каких-либо налоговых привилегий для многодетных...

Доктор Ветцель

Документ 6. Из генерального плана «Ост».

Для немеческого населения восточных областей не должно быть высших школ. Для них достаточно четырехклассной народной школы. Целью обучения в этой народной школе должно быть только: простой счет, самое большое до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным, послушным... Кроме школы этого типа, в восточных областях не должно быть больше вообще никаких школ...

Документ 7. Из застольных разговоров Гитлера в ставке германского верховного главнокомандования.

3 марта 1942 г.

Прежде всего мы не должны направлять немецких учителей на восточные территории. Иначе мы потеряем весь народ, так как вбитые в его голову знания впрок не пойдут. Самым лучшим было бы, если бы они освоили только язык жестов. По радио для общины передавали бы то, что ей полезно: музыку в неограниченном количестве. Только к умственной работе приучать их не следует. Не допускать никаких печатных изданий... Иначе мы вырастим наших злейших врагов!

11 апреля 1942 г.

Что же касается гигиены покоренного населения, то мы вовсе не заинтересованы в распространении среди них наших знаний и создании тем

самым у них совершенно нежелательной базы для колоссального прироста населения. Он поэтому запрещает проводить на этих территориях какие бы то ни было гигиенические акции...

Документ 8. Из письма Мартина Бормана Альфреду Розенбергу 23 июля 1942 г.

Ни в коем случае не следует вводить немецкого медицинского обслуживания для местного населения оккупированных восточных областей. Например, ни при каких условиях не должны производиться прививки и другие оздоровительные мероприятия для ненемецкого населения. ...Вместо нынешнего алфавита в будущем в школах надо ввести для обучения латинский шрифт. ...Ни в коем случае не следует строить русские (украинские) города или благоустраивать их, ибо местное население не должно иметь более высокого жизненного уровня.

Документ 9. Г. Гиммлер: «...господствовать должен немец...»

Из речи 16 сентября 1942 г.

Надо учиться у англичан не на теории, а на практике, учиться тому, как они обращались с индусами. Мы должны вообще научиться тому, чтобы один человек германского происхождения был в состоянии без всякой помощи владычествовать над областью со 100 тыс. людей. В их распоряжении будут камни, дерево, солома, зерно, скот. Пусть они строят себе из этого свой собственный рай, но господствовать должен немец. В течение 20 лет мы должны германизировать и заселить Белоруссию, Эстонию, Латвию, Литву, Инирманландию (северо-западную часть России. — Ред.) и Крым. ...Главной целью войны против Советского Союза является уничтожение 30 млн. славян.

Заключение

Оценивая в целом оккупационную политику Третьего Рейха на территории СССР, нельзя не отметить следующего: в предвоенный период и на начальной стадии Второй мировой войны «Восточный вопрос» занимал весьма малозначительное место в умах германского руководства и являл собою по сути лишь некий определенный набор общих представлений. Настоящая его проработка началась лишь с середины 1940 года, когда назрела насущная необходимость проведения военной кампании против СССР, но и в этот период лидеров Рейха по вполне понятным причинам значительно больше интересовали чисто военные аспекты вопроса, нежели нюансы, связанные с управлением намеченными к захвату территориями. Это, равно и неполная осведомленность относительно настоящего положения дел в советском государстве и обществе; и косность мышления, вызванная следованием очень спорным идеологическим догмам, предопределило в конечном счете чудовищную недооценку проблем, связанных с установлением оккупационного режима, что имело роковые последствия для германской Восточной кампании.

Стоит подчеркнуть, что несмотря на импровизационный характер проводимых оккупационных мероприятий, отсутствие четкой единой концепции «Восточной политики», недостаток информированности и целый ряд предубеждений идейного характера, немцам при содействии со стороны части населения захваченных областей все же удалось выстроить достаточно жизнеспособную систему, могущую пусть и в минимальной степени, но обеспечивать германской армии возможность продолжения затяжной военной кампании, а оказавшимся под оккупацией людям – выживать в создавшихся условиях и удовлетворять жизненно необходимые потребности. А поскольку едва ли не все разумные начинания являлись здесь инициативой «снизу» и исходили от руководителей на местах, не находя

понимания и поддержки «сверху», немецкая оккупационная политика едва ли имела хотя бы теоретические шансы на действительный успех.

И разумеется, главной причиной, обусловившей провал «Восточной политики», стало крайне дифференцированное отношение оккупационных властей к народам и национальностям, населявшим захваченные земли, и это был решающий и неустранимый порок нацистской идеологии. Чрезвычайно радикальное понимание национального вопроса не только резко снижало степень доверия населения к оккупантам и препятствовало полноценному их взаимодействию, но и порождало острые конфликты, зачастую провоцируя активизацию сопротивления.

В итоге период оккупации и связанные с ним события продемонстрировали в первую очередь слабые места как нацистского, так и советского режимов, равно и то, что в настоящем их виде эти системы исторически неактуальны. И если Рейху не оставил времени самый ход и исход мировой войны, то в случае с СССР понадобились еще годы естественной эволюции для того, чтобы проявленная очевидность превратилась наконец в свершившийся факт.

Немецкой оккупации в ходе войны подверглись территории Белорусской, Украинской, Эстонской, Латвийской, Литовской ССР, 13 областей РСФСР. Молдавская ССР и некоторые районы юга Украинской ССР (Транснистрия) находились под управлением Румынии, часть Карело-Финской ССР была оккупирована финскими войсками.

Для большинства мест, подвергшихся оккупации, этот период продолжался два-три года. Захватчики ввели здесь для советских граждан в возрасте от 18 до 45 лет (для евреев - от 18 до 60 лет) жёсткую трудовую повинность. При этом рабочий день даже на вредных производствах длился 14-16 часов в сутки. За отказ и уклонение от работы, невыполнение приказов, неповиновение, сопротивление, помощь партизанам, членство в коммунистической партии и комсомоле, принадлежность к еврейской национальности следовали расстрелы, казни через повешение и избиения.

Репрессиям со стороны фашистских захватчиков подверглись в первую очередь славяне, евреи и цыгане, а также все остальные, по мнению фашистов, «недочеловеки». Всего на оккупированной территории было преднамеренно истреблено более 7,4 миллионов человек мирного населения. Большой урон советскому населению, находившемуся под оккупацией, причинил насильственный угон наиболее трудоспособной его части на принудительные работы в Германию и оккупированные промышленно-развитые страны. Советских невольников именовали там «остарбайтерами» (восточными рабочими).

Из общего числа советских граждан, насильственно вывезенных на работы в Германию (5 269 513 чел.), после окончания войны было репатриировано на Родину 2 654 100 чел. Не возвратились по разным причинам и стали эмигрантами - 451 100 чел. Остальные 2 164 313 чел. погибли или умерли в плену.

Безусловно, проводимая фашистами «Восточная политика» является преступной по своей сути и чрезвычайно важно не допустить хоть сколько-нибудь отдалённо похожего повторения подобного в будущем.

Список источников и литературы

Опубликованные документы

1. «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль – март 1943 г.: Документы и материалы. – М.: Фонд «Историческая память», 2013. – 512 с.
2. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941 – 44): Документы и материалы. В 2 кн. – Мн.: НАРБ, 1996 – 1997. – 336 с.
3. Витебщина освобожденная: октябрь 1943 – декабрь 1945: Документы и материалы. – Витебск: Витебская областная типография, 2009. – 584 с.
4. Партизанское движение в Крыму (1941 – 42). – Симферополь: СОНАТ, 2006. – 244 с.
5. Былинин В.К., Крысин М.Ю., Кучков Г.Э., Ямпольский В.П. Прибалтика. Под знаком свастики (1941 – 1945). – М.: Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 2009. – 464 с.
6. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941 – 1944 гг.). – М.: Экономика, 1985. – 328 с.
7. Васильева О.Ю., Кудрявцев И.И., Лыкова Л.А. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – М.: Издательство Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2009. – 779 с.
8. Двинов Б.Л. Власовское движение в свете документов. – Нью-Йорк, 1950. – 122 с.
9. Документы изобличают (Сборник документов и материалов о сотрудничестве украинских националистов со спецслужбами фашистской Германии). – Киев, 2004. – 316 с.

10. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941 – 1945. Сборник документов и материалов в двух томах. – Кишинев: Штиинца, 1975 – 76. – 652 с.

11. Владимирцев Н.И., Кокурин А.И. НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939 – 1956). – М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. – 640 с.

12. Адамушко В.И., Кнатько Г.Д. «Нацистское золото» из Беларуси: Документы и материалы. – Мн.: НАРБ, 1998. – 416 с.

13. Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. – 756 с.

14. Гогун А., Дерейко И., Кентий А. Родня. Полиция и партизаны, 1941 – 1944. На примере Украины. – Киев: Украинский издательский союз, 2011. – 576 с.

Мемуары и дневники

15. Занадворов Г.Л. Дневник расстрелянного. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1964. – 320 с.

16. Бамм П. Невидимый флаг. Фронтовые будни на Восточном фронте. 1941 – 1945. – М.: Центрполиграф, 2006. – 272 с.

17. Бидерманн Г. В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. – М.: Центрполиграф, 2005. – 366 с.

18. Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. – М.: Посев, 1993. – 440 с.

19. Осипова Л. Военный дневник. Режим доступа: http://militera.lib.ru/db/osipova_l/index.html (02.06.2016).

20. Скрябина Е.А. Годы скитаний: Из дневника одной ленинградки. Режим доступа: http://militera.lib.ru/db/skryabina_ea/index.html (02.06.2016).

21. Hitler A. Mein Kampf. Einekritische Edition / Hrsg. von C. Hartmann, T. Vordermayer, O. Plöckinger, R. Töppel. – München – Berlin: Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte, 2016. II. Band. – 1966 s.

Исследования

22. Абрамян Э. Кавказцы в Абвере. – М.: Издатель Быстров, 2006. – 352 с.

23. Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. – London: Overseas Publications Interchange, 1990. – 354 с.

24. Веремеев Ю.Г. Мифы и правда о плане «Барбаросса». – М.: Алгоритм, 2011. – 336 с.

25. Гогун А. Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования 1941 – 1944. – М.: РОССПЭН, 2012. – 554 с.

26. Ермаков А.М. Вермахт против евреев. Война на уничтожение. – М.: Яуза-пресс, 2009. – 416 с.

27. Ермолов И.Г. Под знаменами Гитлера. Советские граждане в союзе с нацистами на оккупированных территориях РСФСР в 1941 – 1944 гг. – М.: Вече, 2013. – 464 с.

28. Ермолов И.Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления. 1941 – 1943. – М.: Центрполиграф, 2009. – 272 с.

29. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941 – 1945 гг.: типы и формы. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. – 372 с.

30. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941 – 1944. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. – 544 с.

31. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 656 с.

32. Майнер С.М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941 – 1945. – М.: РОССПЭН, Фонд Б.Н. Ельцина, 2010. – 407 с.

33. Мамулия Г.Г. Грузинский легион Вермахта. – М.: Вече, 2011. – 416 с.
34. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941 – 1944). – М.: Воениздат, 1974. – 387 с.
35. Олехнович Г.И. Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны (1941 – 1945). – Минск: Издательство БГУ им. В.И. Ленина, 1985. – 172 с.
36. Поляков В.Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа “Секретно”. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 384 с.
37. Пономаренко Р.О. “Советские немцы” и другие фольксдойче в войсках СС. – М.: Яуза-пресс, 2014. – 256 с.
38. Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941 – 1945. – М.: Вече, 2008. – 432 с.
39. Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941 – 1944). – М.: Вече, 2011. – 432 с.
40. Романько О.В. Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941 – 1945). – Симферополь: Антиква, 2008. – 304 с.
41. Романько О.В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941 – 1944). – Симферополь: Антиква, 2009. – 272 с.
42. Силова С.В. Крестный путь: Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации 1941 – 1944 гг. – Минск: Белорусский Экзархат, 2005. – 71 с.
43. Смыслов О.С. “Пятая колонна” Гитлера. От Кутепова до Власова. – М.: Вече, 2004. – 512 с.
44. Смыслов О.С. Накануне 1941 года. Гитлер идет на Россию. – М.: Вече, 2007. – 368 с.
45. Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм: на службе СД и Абвера. – М.: Рипол классик, 2003. – 336 с.

46. Чуев С.Г. Украинский легион. – М.: Яуза, 2006. – 544 с.
47. Штрайт К. “Они нам не товарищи...” Вермахт и советские военнопленные в 1941 – 1945 гг. – М.: Русское историческое общество; Русская панорама, 2009. – 480 с.
48. Хоффманн Й. Немцы и калмыки. Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/hoffmann_i4/index.html (02.06.2016).